

Протоиерей Алексей Мечев: Слово в день Преображения

Проповедь

Поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна, возведе их на гору високу едины и преобразися пред ними.

Мф 17, 1.

Много в жизни Господа было чудных дел, знаменательных событий, необычных явлений Божества Его, но ни одно не было столь поразительно, как славное Преображение Господа.

Вот во мраке ночи на вершине одиноко молится Господь, в то время как три ученика его, утомленные, погружены в глубокий сон. Господь воспринимает на Себя Божескую славу. Лицо Его изливало из Себя свет солнца, одежды Его блестели чистейшею белизною, к Нему благоговейно предстали два высших пророка Ветхого Завета Илия и Моисей, самая ночь просветлела, и гора была вся во свете неземном, чудном. Пробужденные ученики Его дивились, восторгались и трепетно созерцали все это невиданное зрелище.

Теперь вопрос: для кого и для какой цели было это славное видение? Не для народа, конечно, потому что стоявший под горою народ не был свидетелем этого чуда. И не для учеников также, потому что им досталось лишь несколько минут насладиться видением. Стало быть, для Самого Господа последовало Его Преображение. Вникнем. Приближался уже конец Его земного поприща, и не раз по человечеству обозревал Он все, сделанное Им, и задавался вопросом о достигнутом Им успехе. Что же представлялось Господу? Позади три года Его неустанного служения роду человеческому: проповедь, чудеса исцелений, призывы к народу, а в ответ Ему неверие, злословие одних, равнодушие других, по-видимому, привязанность толпы народной, но лишь кажущаяся, легко изменяющаяся. А впереди еще мрачнее. Еще немного и восстанут на Него сильные земли, будут следить с коварной злобой за каждым Его шагом, затем предательство одного из самих учеников Его, суд, пристрастный и злобный, страдания и муки и крестная, позорная смерть.

Божественным взором Он ясно видел все предстоящее Ему, а как человек Он не мог не чувствовать тяжести Своего положения, не мог не изнемогать от утомления, не смущаться душою, не нуждаться в подкреплении свыше для окончания Своего дела спасения рода человеческого, грешного, неверного, неблагодарного.

Евангелие нам прямо открывает это состояние души Господа перед часом Его страданий. «Прискорбна душа моя до смерти» говорит Он ученикам Своим. Кто когда-либо из нас, друзья, страдал истинною скорбью, тот поймет эти слова, тот почувствует, какую жгучею болью всего существа вызваны они, тот, хоть не вполне, но постигнет, как вопиет исстрадавшаяся душа, ничего впереди не ждущая, утратившая веру в будущее. И пал Он на лице Свое в глубокой молитве перед Отцем Своим Небесным и просит: да минует Меня чаша сия!

Как ясны теперь все события Преображения Господа. Он восходит на гору високу. Там, внизу, под горою, Он оставляет весь этот мир, для которого Он пришел с такою святою благодатью, для которого Он оставил радости Божества, для которого Он так охотно принял величайшее поручение от Небесного Отца Своего. Мир же с таким неверием встретил Его, так легкомысленно то воздавал Ему царские почести, то так насмешливо кричал: распни, распни

Его! Господь преображается: это уже не Тот кроткий, смиренный, скорбящий Иисус, каким еще за минуту до того казался Он: но вид Его Божествен, От него исходит свет солнца, лицо Его, одежда, вся окрестность озарились Божескою славой. В эту минуту, верится, Он видит всю будущую славу царствия Божия на земле: минуя страшные события последнего дня жизни, Он видит святую веру, распространяющуюся по земле, видит Своих учеников, возрождающих мир недавно еще столь неверный, видит святых Божиих, совершающих великие дела Господни, видит всю землю, озаренную, как гора, светом истины, правды, великого нравственного преобразования. И в ту торжественную минуту слышится с небеси голос, именующий Его Сыном возлюбленным и повелевающий земле слушать Его.

О, теперь Господь снова войдет в Свое дело и довершит его: пусть восстают на Него, пусть судят Его, пусть на крест возносят Его Он видел Отца Небесного, Его ждет слава, которую Он имел с самого начала мира, Ему предназначена победа над миром и торжество на небе.

Таково значение сегодняшнего торжества в честь Преображения Господня.

И для нас, друзья, есть много поучительных уроков в этом дивном событии. Господь восходит на гору высоко. Не научаемся ли и мы по временам отрешаться от этого шума суеты житейской и восходить на гору уединения, богомыслия, молитвы. Жизнь земная представляет столько темных дел, столько печальных раздоров между братьями-людьми, столько смущающего зла, неправды, коварства. О, скорее на гору, в уединение возведем взоры к небу, заставим умолкнуть все эти страсти, суету, неправду, забудем этот мир, погрузимся в тихую, внутреннюю молитву.

Господь преобразился. Это значит в душе Его водворился мир, надежда, просветление, и все это возрождение души Его отобразилось в лице Его, на одежде Его, на всей горе.

Вот, други, чем силен человек душою своею, пробужденною, просветленною, облагодатствованною! Посмотрите на праведного, просто на доброго человека: у него во всем светится его верующая, простая, искренняя душа; его не смутит скорбь, его возвышает радость, его ободряет надежда, он верует в славное будущее.

А зачем тут предстали Христу два великих пророка Илия и Моисей, с Ним беседующие? Это два представителя будущего славного Царствия Божия на земле. Моисей великий путеводитель народа Израильского в обетованную землю, Илия обличитель неправды, злодейства и вражды, взятый на огненной колеснице на небо.

Всегда будут в небе учителя добра и света, всегда будут светить лучшие люди в образец и поучение миру, всегда будут путеводители к миру лучшему к блаженной жизни на небе. Не надобно смущаться. Наступят лучшие времена, просветится земля светом правды и истины, преобразуется и преобразится наш, пока еще мрачный и слабый, мир в славное Царствие Божие.

Помолимся же в настоящий день Преображения Господня вместе с Церковью:

Да возсияет и нам грешным, свет Твой присносущный, Светодавче!

Аминь.

1914 г., августа 6 дня.

(1 августа 1914 г. началась Первая мировая война. Прим. ред.)

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей

Проповедь

1 декабря 1990 г.

Слово после утрени

Дорогие братья и сестры!

Вот мы и завершили сегодня наше общее богослужение утреннюю молитву всей церкви. Но прежде чем перейти к частным молитвам, к требам, я хотел бы вам сказать, что сегодня по уставу положена память двух мучеников Платона и Романа.

В связи с этим я хотел бы обратить ваше внимание на то, что такое мучение за Христа. Мучение за Христа не есть просто человеческое мучение, не просто человеческое страдание. Мучение за Христа есть великое служение, великий дар. Конечно, в нем есть и скорбь, но в нем же есть и радость, дорогие братья и сестры! Это трудно постичь человеческим умом всем тем, кто еще сам не испытывал этого в жизни. Но всем нам надлежит брать на себя и нести свой крест. Так что даже если кто-то не испытал еще такого мучения за Христа при несении своего креста, тому это еще предстоит. Церковь никогда не благословляла желания идти на мученичество, желание идти на страдание просто ради страданий. Она никогда не поддерживала тех, кто ищет и искусственно создает страдания. Но церковь хорошо знает, что этих страданий у всякого, кто хочет жить благочестиво, будет немало. Так говорит нам и апостол, что «всякий, кто хочет жить благочестиво, будет гоним». И Господь говорит: «Меня гнали, и вас будут гнать. Но если Меня слушали, значит, и вас будут слушать».

Вот, дорогие братья и сестры, и в нашей с вами жизни приходится испытывать истинность слов Христовых. Потому что кроме радости духовной, которой так щедро наделил нашу церковь Господь, мы все более и более ощущаем, как всякий желающий жить бескомпромиссно, по вере должен взять и понести более тяжелый крест, чтобы следовать за Христом. А значит, на этом пути не обойти ему ни печалей, ни скорбей, ни страданий. Нам нужно добровольно взять на себя свой крест, нам нужно научиться нести скорби, нам нужно научиться терпеть за Христа, за Его Правду, за Его Милость, за Его Любовь. Тому нас учат мученики Христовы. Этому же учит нас Евангелие и вся наша жизнь.

Дело не только в том, что мы претерпеваем болезни, также не только в том, что всем нам приходится рано или поздно прощаться с нашими близкими, которые уходят в мир иной, а в том, что мы должны чувствовать необходимость научиться той совершенной Вере, иметь такую совершенную Любовь, чтобы никакая скорбь, никакое мучение, никакая болезнь, никакая разлука не оторвали бы нас от Христа и друг от друга. Чтобы они не раскололи церковь Христову, чтобы в ней не возобладало честолюбие, формальное фарисейство, отчуждение, самодовольство, чтобы в ней не возобладало ничто из того, против чего предупреждает нас Церковь.

Будем, дорогие братья и сестры, учиться этому. Мы с вами за эти менее чем полтора года совместной церковной жизни уже многое испытали на себе. Мы, конечно, знаем, что это не все, что еще будет много терний на нашем пути. Но будем готовиться и будем стараться преодолевать все искушения. Каждый как может, каждый на своем месте, каждый по силе

веры и любви своей.

Да будем мы все, дорогие братья и сестры, достойны тех святых, которых чтим, потому что их удостоил венцом Сам Господь, их прославил Бог, как Он и прославляет Церковь нашу. Да будет так во веки веков.

Аминь.

2 декабря 1990 г. Слово перед исповедью

Будем, дорогие братья и сестры, молиться. Для того, чтобы наше с вами покаяние было полным, глубоким, подлинным, чтобы нам сохранить и умножить все те силы, которые Господь дал нам, а для нас теперь это будет особенно важно, когда здесь, в этом городе начинается новый этап жизни церкви. Особенно сейчас мы должны являть собою силу Божию, правду Божию, любовь Божию и силу единства. Важно, чтобы оно не стало просто благим пожеланием, но реальностью нашей жизни. Итак, чтобы снова и снова исполниться любви и благодати, еще и еще раз проверим свою совесть и очистим ее с Божьей помощью. Будем же молиться!

(Следуют молитвы).

Дорогие братья и сестры! В чем больше всего требуется нашего покаяния? Больше всего нам нужно преодолеть расслабленность и недоверие друг к другу. Нам нужна сила веры и умение жертвовать собою ради ближнего и своим ради Божьего. Больше всего нам сейчас не хватает именно этого.

Часто еще мы, сталкиваясь с трудностями жизни, останавливаемся, чтобы посмотреть направо или налево для того, чтобы обойти или преодолеть возникшее перед нами препятствие. Препятствий в нашей жизни много и скорбей много, но все скорби преодолеваются, если мы находим единый путь к Господу, если мы идем по этому пути, не идя на компромисс со своей совестью.

Мы, к сожалению, до сих пор часто грешим и против нашей веры, не зная ее, сомневаясь в ней, соединяя ее часто с различными суевериями. Мы легко слушаем суеверные советы, данные нам людьми, благочестивыми по виду. А надо проверить, благочестивы они или нет. Мы принимаем часто за подлинную веру, за лучший царский путь в духовной жизни то, что является окраиной, обочиной этого пути. Прости нас, Господи!

Прости нас, Господи, и за то, что еще нет огня веры в каждом из нас, за то, что мы легко теряем этот огонь Царствия Божия, который начинается здесь, ибо здесь мы с вами познаем, что есть «мир и радость во Святом Духе». Нам нужно особенно сейчас отринуть всякую праздность, всякую лень, всякое расслабление, невнимательность, как и всякое уныние. Перед Богом это большой грех.

Прости нас, Господи, если мы еще не смогли преодолеть препятствий, лежащих на пути исполнения воли Божией, заповедей Божиих, как и на пути исполнения единой заповеди Нового Завета о Любви к ближнему и к Богу, о Любви той, которую показал нам Сам Господь, о Любви крестной.

Прости нас, Господи, что мы часто не умеем нести крест наш и думаем о том, как бы взять крест полегче. А самый тяжкий и в то же время самый радостный крест это Крест Христов, Крест Любви Христовой.

Прости нас, Господи, что мы можем предать эту Любовь. Мы часто бываем готовы променять

ее на удобства, на временные удовольствия этой жизни. Церковь не против удовольствий. Но только удовольствия эти должны быть духовными, такими, которые помогали бы нам жить, которые бы были следствием той радости, которую нам дает Господь на Своем пути.

Мы часто становимся соблазном для неверующих, которые по нашему недостойному поведению плохо судят о нашей вере. Прости нас, Господи, за это! Сейчас нам особенно нужно смотреть за тем, чтобы Церковь Божия не хулилась из-за наших грехов. Если кто-то захочет хулить Церковь, потому что она Церковь Христова, то это не удивительно, это то, что было, есть и будет. Но если хулится имя Божие и Церковь Божия во Христе из-за нас, то это великий грех. Прости нас, Господи.

Еще мы часто стараемся слиться со средней массой людей. Прости нас, Господи, что мы идем путем жизни, как все, забывая, что Господь ведет нас совсем иным путем.

Прости нас, Господи, если вольно или невольно у нас в сердце возникает ропот на Бога.

Прости, Господи, за то, что мы часто забываем о благодарности. Я много раз уже говорил вам, что благодарный человек это человек верующий или очень близко стоящий к вере. Давайте об этом помнить и смотреть, есть ли в нашем сердце благодарность к Богу и ближним нашим. Пусть лучше лишний раз скажем кому-то «благодарю», чем не скажем тогда, когда этого требует жизнь.

Согрешаем немилосердием, равнодушием к страданиям других. Прости нас, Господи! Будем милосердны ко всем, к друзьям и к врагам, ко всем, что бы ни происходило с нами. Не будем гневаться, не будем раздражаться, не будем отчуждаться от наших близких.

Прости нас, Господи, за то, что мы так легко рвем тонкие связи любви и веры с нашими близкими. Бываем часто невнимательны к своей семье и в семьях наших духовных. Даже к друзьям и знакомым мы часто оказываемся невнимательны, не ценя ни их времени, ни их сил. Мы можем легко переложить с себя на других наши заботы. Прости нас, Господи!

Мы часто бываем непредупредительны. А мы должны не только исполнять просьбы других (не греховные, конечно, просьбы), но нам надо предупреждать друг друга в наших пожеланиях. Ведь не каждый человек может сказать, что ему надо. Некоторые стесняются, а некоторые просто не умеют этого сформулировать. Но чаще люди стесняются и оттого просить не могут. Нам нужно предупреждать просьбы других, нам самим надо чувствовать, что кому нужно, не боясь, что мы потратим время не на то, что запланировали прежде, а на ближних наших. Это сторицею вознаградит нас.

Мы еще очень часто держимся за внешнюю жизнь за то, во что одеться, что есть, что пить, как жить, в какой обстановке, за наше материальное благополучие. Часто малейшая опасность нашему внешнему благополучию сразу охлаждает наш дух. Прости нас, Господи, за то, что мы внешние вещи ставим выше нашей духовной жизни.

Прости, Господи, и за то, что мы еще не умеем до конца прощать. Я верю, что за время, пока мы здесь с вами служим, вы научились прощать всем, хотя раньше, может быть, почти не умели этого делать. Но надо еще научиться прощать до конца так, чтобы воистину ничто не мешало нам обратиться к Богу и обратиться к самому этому человеку, если надо ему в чем-то помочь, если надо ему пойти навстречу, повторяю, во всем, кроме одного греха. Если же вас влекут на какое-то зло, на какой-то грех, то даже ради ближайших родственников и иных близких связей не идите навстречу.

Старайтесь воспитывать своих детей и внуков в вере, постепенно, с любовью приводя их в первую очередь к Богу. Помните, что только тогда они придут и в церковь не сначала в церковь, а сначала к Богу.

Прости нас, Господи, за то, что мы иногда отчаиваемся по отношению к нашим близким и считаем, что бесполезно их учить вере. Согрешаем и осуждением явным, тайным, а иногда еще и злорадством. Прости нас, Господи!

Помолимся же, чтобы мы никогда не радовались злу, неправде, помолимся, чтобы мы всегда радовались только тому, что от Бога Любви Божией, Свободе Божией, Духу Божию и общению с Богом и ближним. Этому надо радоваться и к этому надо стремиться как мы с вами здесь каждую неделю стремимся приходить и общаться друг с другом, и это общение друг с другом и с Господом нашим, и особенно тесное общение в таинстве Евхаристии, нам дает преобразование нашей жизни. Так мы не только освящаемся, мы становимся способными к преобразению жизни. Вот эту способность, братья и сестры, не теряйте!

Нам надо научиться не только соболезновать людям, но и сорадоваться. Без радости невозможно достижение Царства Божия, ибо само Царство Божие есть радость в Духе Святом и Мир.

Не будем завидовать, а если даже мы чего-то лишаемся, то скажем, как праведный Иов: «Бог дал, Бог взял, да будет имя Божие благословенно».

Постараемся не только не обижаться на людей, даже если они нас обижают, но и никогда не обманывать их, постараемся никогда не согрешать во лжи, ибо отец лжи дьявол.

Братья и сестры, постараемся избегать всякого сквернословия, всякой жестокости, жестокосердия, не будем вредить себе невоздержанием, пьянством, курением, обжорством, тем более что сейчас идет пост. Напоминаю вам, что пост время искушений, но и время духовного накопления, накопления духовных сил. Пусть каждый не забудет взять на себя какую-то духовную задачу, взять на себя как бы маленькую епитимию, чтобы научиться тому, чего раньше не знал или не умел, с чем раньше не удавалось справиться ни самому, ни как-то иначе.

Давайте и в этот пост сделаем еще один шаг в области нашей христианской нравственности, желая познать и исполнить всю волю Божию, насколько она открыта сейчас нам. Для этого будем читать Священное писание. Не забываете об этом, братья и сестры! Древние святые отцы говорили, что в последние дни отнимутся у людей духовные учителя, духовные руководители и руководиться люди будут только Богом, Священным писанием и писаниями святых. Слава Богу, от нас до конца еще не отняты духовные учителя и духовные руководители. Есть еще в нашей церкви те, к голосу которых мы прислушиваемся во всем. Пусть это, может быть, несколько человек, но они есть. Но даже если бы их не стало, у нас есть и будет Священное писание. Читайте его и лично, и друг с другом, чтобы сохранить теплоту любви и общение с Богом и ближними. Не жалеете на это сил и времени.

Мы часто грешим дурными мыслями, нечистым воображением. Иногда и нечистыми делами. Прости нас, Господи!

Будем помнить, что для того, чтобы самим исправиться, нам надо прежде всего исправить все последствия наших грехов, в которых каемся. Если мы на кого-то обиделись или кого-то обидели, пойдем и попросим прощения, если что-то взяли, пойдем и отдадим, если что-то сломали, пойдем починим, если о чем-то или о ком-то неверно сказали, пойдем и исправим это

словом. После этого мы можем просить у Господа прощения и надеяться на него.

Будем также помнить: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». Вы знаете, слово «смирение» великое слово, но корень его мир. Не будем же терять мира с Богом и друг с другом, будем ценить то духовное единство, которое Господь нам даровал, это великий дар благодати то, что мы, прежде отчужденные друг от друга, часто знавшие друг друга только в лицо и не больше, вдруг оказались братьями и сестрами друг другу и всем тем, кого Господь призвал в эту церковь. Если у нас вдруг пропадет это чувство братства, то будем просить прощения: прости нас, Господи! Будем стараться возобновить все то доброе, что мы познали сердцем своим в нашей жизни.

Конечно, каждый из вас знает значительно больше про себя и про то, что еще надо исправлять в нашей церковной жизни. Но давайте сейчас единым сердцем вздохнем перед Господом и попросим прощения у Него и друг у друга. Простите и меня, дорогие братья и сестры, если я вольно или невольно чем-нибудь согрешил против вас. Будем молиться!

Слово после чтения Евангелия на литургии

Братья и сестры, христиане!

Сейчас мы с вами слышали одну из притч Господних. Очень краткую, но всегда актуальную на земле. Пока стоит мир сей, пока в нем есть смешение добра и зла, до тех пор будет она актуальной. Увы, она часто затрагивает и нас с вами, дорогие братья и сестры. О чем же в ней говорится? Говорится о богаче, который обрадовался богатому урожаю в поле и рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих, некуда положить то добро, которое собралось у меня. И тогда решил он сломать прежние свои житницы и построить большие, чтобы собрать туда весь хлеб свой. И сказал душе своей: «Душа! много добра лежит у тебя на долгие годы. Покойся, ешь, пей, веселись». Но Бог остановил безумца, сказав, что в сию же ночь жизнь его возьмется от него и уже никому не достанется все то, что он скопил.

Кажется, простая вещь, из которой можно сделать такой же простой вывод: не собирайте сокровищ на земле, где моль и ржа уничтожает все, где воры подкапывают и крадут, а собирайте сокровища на небесах, богатейте в Бога. Все по-настоящему просто, но просто лишь для понимания нашего ума и, как вы хорошо знаете, непросто в нашей жизни. Человеку бывает трудно надеяться на Бога, как бывает трудно осуществить свою веру в жизни, здесь на земле. И он сначала понемногу, потом еще чуть-чуть и еще начинает надеяться то на себя, то на свои богатства, то на друзей, то на знакомства, то на одно, другое, третье, все дальше отходя ко тьме, к той ночи, где нет Бога. Ведь если человек в Бога не богатеет, то он удаляется от Бога, и воистину наступает на него ночь, и в сию-то ночь отнимается у человека жизнь его. И не так уж важно, отнимется она у него еще при жизни во плоти или вместе с этой плотской жизнью. Святые отцы говорили о том, что бывает смерть духовная, прежде смерти физической.

Будем об этом помнить. Будем помнить о том, что эта опасность подстерегает нас постоянно то в одном, то в другом, то в третьем. Мы постоянно опираемся на какие-то временные, искусственные подпорки. Не то плохо, что у человека есть добро материальное и душевное, умственное, связанное с его чувствами и с его волей. Это очень неплохо, когда такое добро у человека есть. Не об этом говорит нам Евангелие. Оно говорит нам о том, чтобы мы не надеялись на это добро, чтобы надежда наша, вера наша, любовь наша и вся жизнь наша были бы связаны с Богом, были бы связаны с Любовью Христовой, даром Святого Духа, даром любви к Богу и нашим ближним.

Только не будем впадать в крайности. Ведь и обличенный Христом богатый юноша был

осужден не за то, что имел богатство, а за то, что надеялся на него. Точно так же и богач из сегодняшней притчи вступил в ночь тогда, когда решил, что только благодаря своему богатству он теперь может есть, пить, веселиться и покоиться. Мы же с вами знаем, что веселье истинное, покой истинный, питание и пища истинные тоже восходят к Царству Божию, так же являясь дарами Царя Небесного, а не только тем, что мы знаем из повседневного нашего бытового опыта. Будем и об этом помнить. Да, уввы, мы еще очень часто говорим одно, а делаем другое. Но не забудем, что в таких случаях спрос с нас двойной. Ибо если человек не зная закона грешит, то имеет или меньший грех, или вовсе не имеет греха, а если умышленно грешит, то грех его наибольший. Нам Господь дал благодать познания Царствия Божия, так неужели мы с вами не устремимся к этому Царству и не отдадим Богу всю нашу жизнь до конца, чтобы богатеть лишь в Бога?

Аминь.

Слово после литургии

Дорогие братья и сестры! Всех вас поздравляю с причастием, сегодня вы все приобщились святых Христовых Таинств!

Как Господь пошел на заклание и добровольно отдал Себя в жертву за многих, за всех, для того чтобы излить полноту благодати в сердца всех верующих в Него, так и мы посылаемся в этот мир, посылаемся для того, чтобы, взирая на Господа, Начальника и Совершителя нашей веры, свидетельствовать жизнью, словом и делом о Христе. Так Господь собирает Церковь воедино, в единое Тело, где Дух один, но где много членов, много служений и даров. И мы с вами скреплены даром Божиим, что сегодня снова и подтвердили. Теперь я всем желаю только одного: принять в себя тех новых членов, которые сегодня пришли и от единой чаши причащались с нами в нашей церкви. Храните, укрепляйте, умножайте это единство, чтобы его радость в вас пребывала и чтобы она достигла совершенства.

Господь очень многим радовал нас в течение последнего года нашей совместной жизни. Очень много радости было, несмотря на все переживания, несмотря на все те скорби и страдания, которые пришлось претерпеть многим. Но мы видим, что все покрыто теперь благодатью Божией, все раны исцелены, болезни излечены. И вот Господь дополнительно ко всему давал и дает нам радость общения с теми братьями и сестрами, которые для нас особенно драгоценны. Вы помните, когда приезжал к нам, например, отец Лаврентий из бельгийского Шеветоньского монастыря, вы его так хорошо приняли, что он до сих пор вас вспоминает. Надеюсь, что и через неделю, если Бог даст нам здесь служить, мы опять будем принимать гостей, больше 30-ти человек из Ленинграда, которые хотели бы увидеть убедительный для них пример христианской жизни.

Сегодня же мы очень рады приветствовать тех наших братьев, имена которых для нас значительны. Прежде всего, я хочу представить Сергея Сергеевича Аверинцева. Многие из вас по имени уже знают его и, конечно же, читали его работы. Мы знаем, что Сергей Сергеевич сделал для всей нашей церкви очень много. Не случайно мы пели сегодня псалмы в его переводе. В его же переводе мы читаем на утрени шесто-псалмие и т.д.

Мы знаем его как философа, богослова, ученого-филолога. Он член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии. Он народный депутат СССР и т.д. Но главное заключается не в этих столь важных титулах, а в том духовном общении, которое мы имеем с ним и через него.

Мы все стремимся к тому, чтобы Церковь явила себя в своей полноте. И вот таким знаменем,

символом возможного на сегодня достижения полноты православной жизни для нас является имя Сергея Сергеевича. Пусть в каких-то деталях с ним, как и с любым человеком, можно иногда не соглашаться, но самое главное, что для нас драгоценно постоянное ощущение силы и полноты его духовной жизни. Достаточно прочитать любую его работу специальный научный труд или публицистическую статью она вдохновляет. Мы учимся этому и будем учиться дальше. Хотелось бы вместе идти к совершенству, к явлению полноты церковной жизни, чтобы в наше время народ наш увидел то, чем он обладал когда-то, может обладать и теперь, и пошел снова за Христом, снова став Святой Русью.

Приветствуя Сергея Сергеевича, я рад вручить ему святую просфору и благодарить его за то, что он нашел возможность, несмотря на занятость, сегодня приехать сюда и причащаться с нами немощными, недостойными, простыми людьми вот в этом подвале, почти катакомбах. И я надеюсь, что несовершенство наше он простит, а еще лучше поможет нам исправиться.

Я рад приветствовать еще одного человека, для многих из вас также известного Льва Регельсона, автора известной книги «Трагедия Русской Церкви», за которую пришлось ему и пострадать. Я уже слышал, что она будет выходить у нас в стране. Так как Лев Львович у нас тоже первый раз, я очень рад вам его представить. Спаси вас, Господи.

А теперь я бы очень просил Сергея Сергеевича сказать вам то, что у него на сердце. Еще я хотел бы его еще поблагодарить от всех нас за то, что сегодня он передал жертву на храм, он теперь в списке жертвователей нашего храма.

С.С.Аверинцев

Батюшка отец Георгий! Дорогие братья и сестры! Я никоим образом не заслужил, чтобы быть таким почетным гостем. Я человек очень маленький и очень грешный, большие только мои грехи, а сам я маленький. На самом деле мне надо было бы стоять не здесь, а где-нибудь в уголке. Но быть вашим гостем это большая радость, и я очень благодарен отцу Георгию и очень благодарен всем за то, что я мог присутствовать на литургии, где евхаристическая жертва действительно переживается всеми и все участвуют в священнодействии реально и сознательно.

Так было и в начальные времена христианства. И в начальные времена христианства христиане тоже молились в подземельях. Дай Бог вам выйти из подземелья в разрушенный, но возрождающийся храм, при виде которого вспоминаешь ветхозаветную книгу Неемии, как народ Божий из изгнания пришел к разрушенным стенам Иерусалима и медленно, своими руками восстанавливал эти стены. Дай Бог, чтобы все это было, и дай Бог, чтобы в храме, который наш, земной, не была бы утрачена та любовь, которая живет здесь, в подземелье. Дай Бог не забыть первой любви, как сказано в откровении Иоанна Богослова. Я сердечно благодарю Вас, батюшка, и всех. Я совсем недостойн быть с вами, но я очень рад получить подарок, который я не заслужил. Спаси Господи.

4 декабря 1990 г. Слово перед исповедью

Братья и сестры!

Я вижу, что почти все здесь присутствующие были на исповеди и причащались позавчера в воскресенье. Поэтому сегодня я постараюсь говорить короче о том, что у меня на сердце.

Мы с вами всегда стремились исправить нашу жизнь и жить по правде. И я хотел бы призвать

вас сейчас лишь к одному: никогда не отступайте от тех высоких требований к себе, которые вы приняли. Будем тверды в вере, в любви, в благочестии. Мы же часто проявляем ненужную мягкость по отношению к греху, соблазнам, которые обуревали нас, и еще будут обуревать, чем дальше, тем больше. Ведь, как известно, кому больше дано, с того больше и спросится. А разве Господь не давал нам божественной благодати особым образом, за что мы и благодарим и славим Его. Будьте же тверды в вере, благочестии и любви. Это самое главное. Не идите на компромисс с совестью никогда, ни с кем. Будьте в то же время кротки, мягки. «Не давайте повода ищущим повода» для раздоров, для соблазнов, для осуждений. И если придут к вам такие искушения, просите у Господа прощения и старайтесь более не поддаваться на эти искушения.

Храните мир и единство. Вот главное, что я хотел сказать. Имейте их и храните. Когда у нас нет единства, то из Церкви мы превратимся в отдельных людей, которые разойдутся по своим углам, это станет большим грехом. Прости, Господи, что мы не всегда ценим наше великое единство во Христе. Ведь оно для нас большая радость. Мы для того и причащаемся, чтобы теснее объединиться со Христом и друг с другом, со всей Церковью Христовой, со всеми верующими, которые жили на земле прежде, которые живут, и даже с теми, которые будут жить. Мы входим в область вечности и поэтому Господь требует от нас особого усердия, особого служения.

Я надеюсь, что как прежде помогал нам Господь, так Он и будет помогать всем нам. И мы, конечно, никогда, до конца жизни на земле (а Бог даст и дальше), не будем с вами разлучаться. И будем помнить те назидания, которые мы друг другу приносили. Ведь на самом деле мы учили друг друга все это время. Друг друга. Так Господь нам повелел.

Поэтому сохраняйте прежде всего эти единство, любовь, заботу друг о друге. Заболеет ли кто, давайте не ожесточим сердца, даже если мы хорошо человека не знаем. Брат ли это наш, сестра наша придем и поможем.

Мы знаем все наши слабости. Знаем, что грехов много и искушений много. И мы знаем, что пока все хорошо, так и все хорошо, но стоит на нас немного надавить или кому-то со льстивым словом к нам подступиться, как уже мы теряем духовную трезвенность, а она нам так необходима. Прости нас, Господи.

Будем утверждаться в вере, чтобы вера наша была непоколебимой. Вера святая, вера истинная, вера православная. Не будем сомневаться в этой вере. Не будем слушать никаких искусительных вопросов, которые иногда нам задают не для того, чтобы выяснить истину, а для того чтобы смутить, посеять сомнение, соблазн.

Прости нас, Господи, если мы иногда волей или неволей прислушиваемся к таким соблазнам и становимся разносчиками слухов и вещей не истинных, а придуманных людьми. Будем так верить друг другу, чтобы это доверие всех, кто собрался здесь в единую Церковь не иссякло. И даже если кто-то из нас согрешит, надо стремиться исправить друг друга, а не отчуждаться, не отходить друг от друга.

Без веры ближнему нельзя жить по вере в Бога, дорогие братья и сестры, как без любви к ближнему нельзя любить Бога. Помогите нам, Господи, любить Бога и ближнего, верить в Бога и всегда доверять ближнему, верить в ближнего нашего. Особенно в своих по вере, кого мы признаем православными людьми, кого мы признаем людьми благодатными. Вот это самое важное, что я хотел бы сейчас вам сказать.

Слава Богу, за год с лишним мы с вами много говорили об этом. И вы все это помните, все

знаете. Только читайте чаще Священное писание, чтобы вам не забыть того, что Господь открывает вам, что Он ожидает от нас.

Будем помнить, что, как сказал апостол Павел, ни глубина, ни высота, никакая другая тварь не могут отлучить нас от Любви Христовой. А мы можем сказать: и от любви друг к другу. Ничто, никогда не разлучит нас, если эта любовь искренняя и истинная. А она, конечно, такова. Это мы все испытали на деле.

Эти дни для нас не только радостны, но и немного печальны, поэтому сегодня я не хотел бы вам много говорить о грехах, не хотел бы еще печалить вас. Но хотел бы, чтобы сейчас мы приступили к причастию с новым дерзновением, с новой любовью, с новой надеждой на помощь Божию, на оправдание во Христе. А если кто-то за эти два дня вдруг что-то допустил недолжное, хотя я думаю, что ни у кого не было больших и явных грехов, то покайтесь пред Богом, попросите у него прощения. Именно сейчас и здесь, в этом собрании нашем, в Церкви. Никогда не забывайте, что Церковь не здание, это народ Божий, собранный воедино, где «единство Духа в союзе мира», где присутствует сам Христос. Вспомним, что «где Христос, там и Церковь» и «где Дух Святой, там и Церковь». И будем это помнить всегда. Как нам сказал совсем недавно, в прошлое воскресенье, Сергей Сергеевич Аверинцев, не забудьте той первой любви, которой вы напитались здесь в этих трудных условиях за прошедший год. Когда перейдете в храм, когда у вас будет светло и тепло, когда будет все удобно, когда будет туда приходить любой, не забудьте той любви, которую Господь даровал вам здесь. Ею и живите до конца своей земной жизни и тогда все обретете Жизнь вечную в Небесном Божьем Царстве.

Аминь.

(Молитва.)

Дорогие братья и сестры, будем неленостно и постоянно служить Господу и не будем грешить против Него ничем. Так же будем всегда служить и нашим близким немощным физически и душевно и духовно. Будем прощать друг друга, как Господь простил нас. Не будем предаваться лжи и неправде. Не будем предаваться никакой злобе, никакому отчаянию, никакой зависти, никакому сребролюбию, ничему из того, что отводит нас от Любви Христовой. Постараемся жить чисто, жить свято, жить благочестиво, не напоказ, а исполняя с любовью волю Божию. Не будем грешить и против неверующих, не будем грешить и против себя.

Будем стараться всегда всем показывать пример чистого богобоязненного жития, которое нас привело бы к престолу благодати Божией.

Не будем пропускать церковные богослужения. Будем, как и прежде, стараться причащаться каждый раз за литургией, на которой мы находимся. Будем стремиться к этому, чтобы быть на ней не простыми слушателями, чтобы быть не простыми гостями в церковном собрании, а истинными членами Церкви, соучастниками всего того, что в Церкви происходит.

Не будем в жизни предаваться мечтам, не будем возвеличивать себя. Не будем предаваться гордыне, честолюбию. Пусть лучше мы что-то отдадим свое часть своего времени, часть своего имущества или иное_ лишь бы не было соблазна для наших близких. Будем стараться всех наших близких привести к вере, потому что нет другого счастья на земле, кроме счастья жить в вере православной, христианской.

Мы должны об этом сказать откровенно и себе, и всем нашим близким: если хотите обрести истинное счастье, не хотите его потерять, не хотите иметь мертвое каменное сердце внутри себя, не хотите испытывать несчастья и разделения, то приходите ко Христу, приходите в

Церковь. Хотя это и трудно, хотя это еще и непривычно для многих наших близких.

Будем помнить, что вера наша имеет такую силу, что она исцеляет даже болящих, что она дает возможность очиститься от всех грехов, даже освободиться от всех немощей наших. Ведь вы сами знаете, как часто это происходило, когда мы обращались к Господу. Люди, иногда тяжело больные, по-настоящему чувствовали быстрое облегчение от того, что Господь вселялся в их сердце. Будем об этом помнить и заботиться о том, чтобы сердце наше было всегда отдано до конца Христу, Который предал Себя за нас, Который и принял нас в вечные обители.

Аминь.

(Молитва.)

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ Слово на литургии

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Братья и сестры, христиане!

Мы ныне прославляем Божию Матерь. Прославляем, потому что она была среди тех, кто слышал слово Божие, и сохраняла, и соблюдала его. Сначала до поры, до времени, пока не настал час, многое складывала Она в сердце Своем, запоминала. Запоминала самую душу Своею, чтобы потом, когда будет прославлен Господь, все это припомнить. Она слышала слово Господне самым Своим сердцем, нося впоследствии Его под сердцем.

Сегодня же мы слышали о том, как пришел Господь в дом Марфы и Марии, и о том, что сестра Марфы Мария прежде всего села у ног Иисуса и слушала слово Его. Многие заботы часто мешают нам сделать подобное. Иногда мы, подобно Марфе, тоже не можем оторваться от своих забот и хлопот, думая, что только в этом и заключается наше призвание в этот день нашей жизни. Тогда мы, как и Марфа, начинаем роптать. Роптать на то, что кто-то нам не помог, а кто-то не делает так, как мы, в то время как надо оставить все, пожертвовать всеми хлопотами, всеми заботами, всеми даже телесными потребностями своими и своих близких и на какой-то момент прислушаться к тому, что говорит нам Господь.

Мы с вами избрали благую часть, которая не отнимается у человека, которая пребывает в нас всегда, если только мы не вытесняем ее своими грехами, своими страстями. Если же мы воистину эту часть избрали, то должны помнить о том, что нам подлжит не только физический, но и большой духовный труд. Да, труд, и не только труд, не только дело, а духовное служение то, что является главным в нашей христианской жизни. Снова напоминаю вам слова апостола, обращенные к каждому из верующих во Христе, каждому члену Церкви. «Каждый, говорит апостол, служи тем даром, какой получил». А у всех дары различны. И слава Богу! Только мы хотели бы, чтобы Дух был у всех нас всегда один и тот же.

Дай же нам Бог те служения, которые, может быть, не наши и нам не доступны, уметь признавать в других, чтобы мы никогда не подвергались осуждению вместе с Марфой, доброе дело которой превратилось в суету с того момента, как она осудила сестру свою Марию. Дай нам Бог уметь прославлять и всех, в ком почитет сила Божия, благодать Божия, подобно той женщине из народа, которая прославляя Христа, прославляла и Его Матерь, Деву пречистую Марию, сказав: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие». Так и нам следует прославлять Господа, прославляя святых Его, Церковь Его. Будем стремиться услышать от Господа Его глас, обращенный к нам: «Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие Его».

Аминь.

Слово после литургии

Братья и сестры!

Поздравляю вас всех с причастием, со всем, что Господь дарует нам в этом таинстве. Нет драгоценнее дара, чем дар Христовой, крестной и воскресной, исполненной Жизни Любви. Это самое главное в том, что нам дается, это то, ради чего мы приходим сюда и готовы хоть каждый день совершать эту божественную службу. Ведь мы приходим для того, чтобы вспомнить нашего Господа Иисуса Христа, для того, чтобы исполниться благодатью Духа, для того, чтобы снова сделать шаг к Царству Божию, которое есть «не пища, не питье», что-то внешнее, но «правда, мир и радость во Святом Духе.»

Дай же Бог, чтобы весь наш город стоял этой благодатью. Дай Бог, чтобы нашей молитвой спасался град. Дай Бог, чтобы все ближние наши, увидя свет ваш, увидя ту благодать, которая в вас, поверили в нее как в реальную жизненную силу, как силу Духа, которая только и является самой достойной человека силой. Человек был создан тогда, когда в лице его было вдуно «дыхание Жизни». До этого человека не существовало. Существовало животное, но человека не было.

Так и сейчас, когда в нас есть дыхание Жизни, Жизни вечной, когда мы живем достойно нашего человеческого звания и избрания. И я всем вам хочу этого пожелать. Не теряйте дара Святого Духа. Всегда живите этим даром и достигайте полноты, достигайте совершенства на этом пути, чтобы представить Господу Богу и дух ваш, и душу вашу, и тело ваше в полноте совершенства. И да поможет нам всем в этом Бог!

Аминь.

И еще. Господь нас укрепляет, а крепость это значит сила. Пусть же эта крепость будет здесь всегда. Имейте и радость Божию. Да исполнятся радости и веселья сердца ваши от того, что мы в общении друг с другом, в духовном общении, которого ничто и никто не может разорвать.

Аминь.

9 декабря 1990 г. Слово на исповеди(перед последней литургией в г. Электроугли,совершавшейся в сослужении с новым настоятелем о.Димитрием)

Перед тем как нам совершить особое богослужение, которое называется литургией, я хочу вам напомнить, что такое литургия. «Литургия» – это значит служение, общее служение, церковное служение. Вы наверное уже привыкли к тому, что Церковь это не просто здание, не просто человеческое учреждение, хотя в ней есть место и зданиям, и учреждениям. Церковь это святое собрание людей верующих, это собрание всех, кого освятил Бог, кого Бог принимает сверх всяких наших заслуг, сверх наших усилий. Хотя опять же подчеркну, что необходимы и усилия, и заслуги. Но тем не менее та благодать, которую мы получаем в ней от Бога, есть всегда щедрый милостивый дар. Вот мы с вами и служим Богу, служим вместе, одним духом, как говорит апостол Павел, в «единстве духа в союзе мира».

Мы стараемся ходить достойно звания, к которому призваны. А чтобы ходить достойно этого звания, надо проявлять долготерпение, надо проявлять милосердие, надо проявлять единство и любовь, надо проявлять смирение (от слова «мир»), надо иметь кротость, то есть мягкость, которая позволит нам не задевать друг друга, не ссориться друг с другом, даже по мелочам, которая позволит нам прощать друг другу, совершенствовать друг друга, помнить, что когда

мы других учим, другим помогаем по любви, этим самым мы помогаем и себе, и себя учим. Поэтому-то мы с вами и радуемся, приходя в церковь, поэтому мы с вами и веселимся, встречаясь друг с другом, поэтому нам так радостно видеть лица друг друга. Ведь мы видим, что Господь во всем этом помогает, видим, как красота Божьего Духа начинает отражаться в каждом члене Церкви.

Но иногда и в ясную погоду на небо набегают тучи, и тогда еще неизвестно, чем это кончится.

Так и в нашей христианской жизни. Кажется, все ясно, светло, слава Богу, но нет-нет и набегают тучки, и мы никогда не знаем, пробежит эта тучка дальше или потянет за собой грозу и целый шквал. Поэтому-то нам и нужно каждую неделю, приходя сюда, целиком очищать свою совесть, очищать свое сердце. Всякий грех, запинаящий нас, является такой тучкой, которая может потянуть за собой целую бурю. И часто мы этого, к сожалению, не понимаем. Мы привыкли жить определенным образом и знаем, что эта жизнь еще далека от совершенства, далека от той святости, которая нужна нам как членам Церкви, от того совершенства, к которому призывает нас Господь. Знаем это, хорошо знаем, но мы привыкли к тому, что совершенство недостижимо, что вроде бы мы не можем быть лучше, потому что нас обступают те или иные обстоятельства, вокруг нас друзья, родные, сотрудники, и начинаем думать, что мы на пределе наших реальных возможностей. Может, теоретически и можно лучше жить, но нам кажется, что реально уже нет. И вот тогда наступает испытание. Вдруг одна маленькая тучка на горизонте ведет за собой полную перемену погоды в нашей душе, в нашей жизни. Одно действие за собой тащит другое, то, в свою очередь, третье и пошло, пошло. «Пришла беда, открывай ворота», говорили раньше. Не всегда это связано с чем-то только внешним. Беда вообще не просто что-то внешнее. Это то, что происходит сначала в нас, а потом происходит с нами.

Дорогие братья и сестры, мы с вами должны сейчас вспомнить все наши грехи, чтобы никаких туч на горизонте у нас не было. Нам нужно вспомнить, прежде всего, не служили ли мы раздору, разделению, будь то духовному или физическому, не соблазнили ли мы кого в вере, какого-нибудь слабого, немощного человека, который еще вере не научен, особенно современную молодежь, потому что она ничего о вере и христианстве по существу не знает и опыта духовной жизни почти не имеет. Простая, без образования, бабушка часто даст фору такому, с двумя высшими образованиями, молодому человеку. Не соблазняли ли мы таких людей?

Прости нас, Господи, что мы часто не бережем того единства, которое нам даровано Богом, единства от Любви. А нам очень не хватает любви. Почему же нам не хватает ее? Кажется, откуда я ее возьму, если ее нет? Очень просто. Открыв свое сердце Богу, надо у Бога ее попросить как благодать, как дар, и она придет. Если сердце будет открыто, то Бог даст эту благодать. Если мы проявим свое стремление к Богу в наших делах, в нашей жизни, то мы сразу же получим благодать. Так неверующие становятся верующими, когда вдруг ощущается этот дар Любви Божией. Прости нас, Господи, что мы часто не стремимся к обретению этих даров Божиих, заботимся о многом, а главное, единое на потребу, оставляем.

Мы не всегда чувствуем единство не только с Богом, но и с ближними нашими, часто не ценим его. Мы готовы из-за мелочей, из-за почти бессмысленных вещей озлобиться, пойти на проявление ненависти, зависти, под прикрытием принципов нашей жизни часто проявляем свое честолюбие. Принципы хорошо, и надо непременно их иметь. Принципы это основы нашей жизни, духовной жизни и веры, они у нас должны быть очень крепкими. Но эти принципы, эти основы часто у нас лишаются самого главного содержания благодати, и становятся принципами мертвыми и внешними. Прости нас, Господи! Нас Господь призывает к полноте Жизни в Свободе, а мы заменяем эту Свободу Божию набором формул.

Братья и сестры, будем каяться, если для нас христианская жизнь не является стремлением к Свободе Духа, а ведь сказано, «где Дух Господень, там Свобода». Прости нас, Господи, за то, что мы не ценим этого дара Свободы и часто путаем ее с произволом.

Согрешаем тем, что не верим в силу Духа Божьего. В Бога верим, и в Святого Духа верим, а в Его силу, реальную жизненную силу не верим. Если нам кажется, что по-человечески нам что-то не по силам, то мы от этого отступаем, прости нас, Господи, вместо того, чтобы знать, что «если Бог за нас, то кто против нас.» Это происходит от нашей расслабленности, от нашего маловерия, от нашего уныния, от нашей лени и праздности, к которым нас приучили с самого раннего детства. Нам часто говорили: «Отдохни, пожалуйста. Зачем ты будешь делать, за тебя все сделают». Так нас часто воспитывали, вместо того, чтобы дать ответственную посильную нагрузку. Прости, Господи, что мы до сих пор боимся всякой ответственности в жизни и даже посильной нагрузки!

Согрешаем тем, что часто становимся соблазном для неверующих, провоцируем их хулить Бога или нашу веру или Церковь Божию. А ведь Церковь Божия есть величайшая святыня на земле. Все в Церкви ее таинства, молитвы, для того, чтобы мы реализовали в действительности наше христианство.

Прости нас, Господи, что мы не ценим чести друг друга в церкви, не поддерживаем часто друг друга. Мы готовы разглашать проверенные, а иногда и непроверенные мысли и суждения друг о друге отрицательного характера. Легко также говорить и о священстве, и о других членах церкви. Нам что-то не понравилось, и мы говорим об этом направо и налево. А мы не проверили обвинений, мы не сделали даже того, что Господь говорит в евангелии, что надо сделать, если согрешил против тебя брат твой: Пойди сначала и поговори только наедине с ним. Если послушает тебя брат твой, ты приобрел его. Если нет, возьми свидетеля, который знает то, что ты утверждаешь, и помоги исправиться брату. А если уже нет, тогда вынеси это на суждение всей Церкви.

Вот, у нас есть Приходское Собрание. 40 человек нашего прихода участвуют в нем постоянно. Слава Богу. Это и есть зародыш будущей общей церковной жизни. Здесь мы с вами можем вынести суждение, помочь нашему брату или сестре без того, чтобы оскорбить или унижить их. Ведь иначе мы часто обличаем не только для того, чтобы исправить, а для того, чтобы человека унижить, «вывести на чистую воду.» Мы обличаем, в смысле ругаем, а должны обличать по-другому, с любовью в сердце, и пониманием. Тогда мы не скажем ни одного лишнего слова на ближнего нашего.

Прости нас, Господи, что мы говорим много лишних слов, бесконечно разговариваем на темы, в которых не компетентны. Мы часто ничего не знаем и просто разносим слухи. Мы хотим иметь суждение обо всем. Да, «все мне позволено как говорит апостол Павел но не все полезно. Все мне позволено, но не все назидает.»

Мы иногда бываем подвержены ложному стыду, стыдимся того, чего не должно стыдиться, вплоть до веры нашей, а чего должны стыдиться, того не стыдимся и иногда тем даже хвастаем. Так же и с сомнениями. Хорошо, если человек рассуждает о своей вере и если он преодолевает те сомнения ума, которые возникают на этом пути. Эти сомнения положительны и необходимы, чтобы идти вперед, к познанию Господа. Но мы часто сомневаемся в том, в чем не имеем никаких оснований сомневаться, а делаем это по лени и расслабленности нашей духовной жизни.

Прости нас, Господи, за разрушительные сомнения, даже просто за скепсис, который является плодом уныния, духовного снижения нашей жизни. Поэтому мы часто не находим в себе силы

прощать друг друга. Мы сомневаемся, не будет ли это прощение попустительством злу, мы сомневаемся снова и снова в силе своей веры и в силе духа. Будем просить Господа дать нам силы для того, чтобы никто никогда не оставался непощенным. Я говорю не о тех, кто по мелочам, может быть, нас обидел, а о тех, кто по-настоящему согрешил против нас. Мы должны их непременно простить и помнить, что если есть хоть малейшая возможность попросить лично у них прощения (пусть они больше виноваты, чем мы сами, часто ведь бывает такое, по-настоящему, когда другие всерьез виноваты, а мы виноваты в небольшом в том, например, что отреагировали недолжным образом на слова и на дела таких людей), то мы должны это сделать, чтобы лично попытаться установить мир. Пусть мы знаем, что со всеми никогда мира не будет, как и апостол Павел пишет, но стремиться к этому мы должны. Господь говорит: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

Мы часто становимся причиной страдания других людей. Наши грехи и наши недостатки, наши немощи и слабости приводят к страданию других. Прости нас, Господи, что мы этого не видим и даже не желаем видеть.

Согрешаем ложью, злорадством, жестокостью, злословием. Будем стараться не потворствовать слабости другого человека, восполнять их силами, которые даны нам.

Мы должны всегда быть верны Богу, Его Церкви, Истине Божией и ничего не бояться. Пока хоть немного в нас сидит темный иррациональный страх, мы будем постоянно грешить. А мы много боимся боимся остаться одни, боимся каких-то мыслей, боимся решительных действий, боимся новых вещей, которые имеют значение как для всей Церкви, так и для нашего города, допустим. Вы знаете, как внимательно смотрит город за всеми нами. Очень внимательно. Он не всегда заинтересован в том, чтобы видеть доброе. К сожалению, часто бывает именно так. Но мы не должны обижаться. Подозрение к церкви воспитывалось десятилетиями, да и мы сами часто не несем в себе должного уважения к Христовой Церкви. Прости нас, Господи!

А теперь пусть каждый из вас посмотрит в себя и совесть свою представит лицу Божьему. И если найдется в ней хоть немного тьмы и неправды, пусть все это очистит. Пусть каждый сделает еще один шаг к Богу, а Бог всегда нам поможет. Аминь.

Перед началом молитв исповеди я хотел бы добавить еще одно слово. Когда мы прощаем друг друга, когда мы готовы помочь друг другу, не забываете слов евангелия: «Кто хочет взять у тебя верхнюю одежду, отдай ему и нижнюю. Кто просит идти с ним одно поприще, иди с ним два». Это означает: всегда идите навстречу друг другу. Даже если для вас это будет стеснительно, не очень удобно, не очень привычно, даже если это потребует отложить какие-то дела, идите друг другу навстречу. Кто-то что-то попросил, кто-то чего-то захотел от вас не пренебрегайте друг другом, дайте даже больше, чем попросит человек.

Здесь только нельзя нарушать тех принципов христианской веры и жизни, которые мы исповедаем. Но все остальное может быть жертвуемо нами для того, чтобы спасти хотя бы некоторых, чтобы помочь хотя бы некоторым. Апостол Павел говорит: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти хотя бы некоторых». Вот чего нам часто не хватает. Мы бываем готовы помочь, рады помочь, но когда речь идет хотя бы о небольших с нашей стороны жертвах, то мы останавливаемся, боясь чего-то потерять в жизни. Это тоже наша немощь и наш грех.

Мы должны идти навстречу друг другу, но мы не должны при этом идти на грех с другими. А то часто человек думает, что вот, я пожалею другого, уж я не буду его волновать, беспокоить, ведь он у меня просит то-то и то-то, так не буду спорить. И начинаем жертвовать не собой и своим, а своей совестью перед Богом, своей верой.

Будем же каяться, чтобы воистину не совершать грехов, чтобы правда Божия всегда сияла в этом мире, чтобы каждый, приходя в церковь, видел в христианах людей праведных и любящих друг друга. Как о древней Церкви говорили: «Смотрите, как они любят друг друга!» Вот то, что побеждает весь мир, Любовь, вот то, без чего в этой жизни нельзя прожить как следует, Божия Правда.

Аминь.

29 декабря 1990 г. Слово на литургии

Братья и сестры, христиане!

Церковь подобрала для нас в воскресенье такие евангельские чтения, которые утверждают нас в вере или в истину Воплощения, или в то, что Господь наш Иисус Христос не только Сын Человеческий, но и Сын Божий.

Вот и сегодня мы слышали, как десять прокаженных получили от Господа исцеление (Лк 17, 12-19). Сказано: «...Встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдаль». Почему? Потому что по закону Моисееву они считались и физически, и духовно нечистыми. И заговорили они громким голосом: «Иисус Наставник, помилуй нас!» Они просили только о помиловании, и они надеялись получить просимое. Для них Спаситель был не просто одним из учителей, а Тем, Кто может их помиловать и очистить.

Господь в ответ сказал им: «Пойдите и покажитесь священникам». И все! Ничего больше. А по закону прокаженный должен был показаться священнику только тогда, когда он уже очистился. Прокаженные видели, что они остались внешне такими же, как были, но все-таки пошли. «И пока они шли, очистились». Они пошли, поверив, и очистились. Они сделали, как сказал им Наставник, и не ошиблись.

Но дальше события развивались довольно странно. Один из прокаженных, увидев, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и это был... самарянин. Тогда Иисус сказал: «Не десять ли очистились? Где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика?» И заключил Свое слово так: «Встань, иди; вера твоя спасла тебя.»

Сначала мы видели, что все прокаженные поверили и были спасены, ибо они очистились от нечистой болезни, от проказы. Они увидели исполненной свою просьбу. Но возвратиться к Иисусу, благодарить Его они не думали перед ними открылись новые возможности, они теперь становились равны с прочими людьми в народе Божиим. Все? Нет, не все, дорогие братья и сестры. Среди них был самарянин, вера которого воспринималась как еретическая, вследствие чего между иудеями и самарянами существовала тяжелая вражда. И вот тот, кто был «еретиком», чуждым иудейскому богоизбранному народу, получил спасение большее, потому что вернулся к Иисусу, пал к ногам Его и благодарил Его.

Дорогие братья и сестры! Нам с вами часто не хватает такой благодарности. Мы как бы считаем, что Бог должен нам то и то. Мы привыкли к благодеяниям. Но мы должны знать, что только благодарное сердце есть верующее сердце. И если кто-то из нас считает себя праведным, но не несет в сердце благодарения, ему нужно очень серьезно задуматься о своей христианской жизни. Благодарность источник веры, а, с другой стороны, вера источник благодарения.

Для чего мы сегодня собрались? Чтобы благодарить! И служба, на которую мы собрались, называется Евхаристией, то есть Благодарением. Но всегда ли мы понимаем это? Многие

приходят, чтобы получать, а не служить «тем даром, который получил». А ведь христианин не тот, кто потребляет, а кто служит, в том числе и на великом таинстве Благодарения. Иисус призвал нас всех благодарить Господа ежедневно. И в истории церкви были такие времена. А потом установился другой ритм причастия причащаться, когда все собираются вместе, в нормальном случае это, по меньшей мере, еженедельно. И нас Господь призывает: «Пейте от нее все (как говорит священник, указывая на Чашу) это Кровь Моя; ешьте это Плоть Моя.» Ведь в церкви не должно быть посторонних, не должно быть «гостей».

Вы спросите неужели я могу каждую неделю причащаться? Да, этого требует Евангелие, этого требуют каноны. Но на это Благодарение должна собираться вся община. К сожалению, в церкви это требование давно не исполняется. Но сейчас многие христиане вновь начинают думать, как «собирать со Христом». И поэтому причащаются не раз в год, как раньше, а чаще раз в два месяца, раз в месяц, раз в две недели и т.д. И мы радуемся, что в церкви это происходит.

Мы еще не дошли до того, что является нормой христианской жизни, но мы со смирением прилагаем усилия к тому, чтобы этой нормы достичь. Вот что пишет, как мы сегодня слышали, апостол Павел: «Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение». Эти добродетели являются следствием дара Духа, который каждый из нас получил. Нам часто кажется, что святость пребывает где-то за облаками, а здесь ее нет. Кажется, что не к нам относятся те слова, которые просто и естественно обратил апостол ко всей Церкви на земле: «...Терпя друг друга и прощая взаимно... как Христос простил вас, так и вы.» Нам тоже не хватает этого. Обратите внимание, братья и сестры, на то, что, обращаясь к ним как к святым и возлюбленным, апостол вовсе не думает, что они достигли совершенства, и продолжает назидать их Церковь Христову. Он говорит, что нужно терпеть друг друга и прощать. Ощущать обиду, обижаться не христианское состояние. Если вас можно обидеть значит еще велика наша гордость, честолюбие. Ведь когда христианин почитает другого выше себя (Флп 2,3), его очень трудно обидеть.

«А сверх того облекитесь в любовь, которая есть связь совершенства.» Вот, дорогие братья и сестры, что нас друг с другом связывает, мы воистину братья и сестры, потому что любовь объединяет нас связью совершенства, мы связаны именно этим Духом, ибо «Бог есть Дух» и «Бог есть Любовь».

Мы часто думаем, что в христианстве требуется только смирение. Да, без него не будет подлинно христианской жизни. Но и оно не будет полным без дерзновения, которое дается по любви к Богу.

«И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы призваны в одном теле; и будьте благодарны». Вот что соединяет этот отрывок (Кол 3,12-15) с евангельским чтением сегодняшнего дня. Не забудем, что «смирение» происходит от слова «мир», что это способ обретения мира Божия в сердцах наших. А сердце символ средоточия Духа в нас, «сердцевина» нашего существа. Здесь и должен властвовать Христов мир, к которому мы призваны в одном теле, в одной Церкви. И мы должны иметь этот мир с Богом и ближними. В этом проявляется дар, данный нам Господом.

Будьте благодарны. Всегда ли мы благодарны? Мы, носящие имя православных, правоверующих людей, должны показать пример благодарения, оно должно проявляться во всем и всегда. Лучше лишний раз поблагодарить кого-то, даже если он не заслужил этого, чем считаться благодарностью.

«Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью: научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, в благодати воспевая в сердцах ваших Господу». Слово Христово должно жить в нас, ибо «буква убивает, а дух животворит». Мы должны читать это слово, но главное чтобы Христос пребывал в нас живым и действенным образом, и тогда мы сможем вразумлять друг друга псалмами и песнями духовными. Вразумление не должно проходить мимо нас. Мы приходим в храм не для того, чтобы послушать красивое пение, мы призваны к назиданию и взаимному учению.

Бывает в нашей христианской жизни две крайности: первая человек считает, что он не должен назидать никого, будучи простым мирянином. Это неверно, что мы и видим в учении апостола Павла. Но есть и другая крайность, когда человек начинает только учить и никого не слушает. Будем побеждать обе крайности.

Итак, если мы сегодня запомним только два слова, что «Любовь есть связь совершенства» и «будьте благодарны», то и это уже будет для нас необходимым назиданием, укреплением в благодатной жизни.

Аминь.

(Проповедь была произнесена в Спасо-Преображенском храме в Тушино г. Москвы)

Николай Бердяев: Истина Православия

Богословие и философия

Вестник Русского западно-европейского патриаршего экзархата. – Париж, 1952.

Христианский мир мало знает Православие. Знают только внешние и по преимуществу отрицательные стороны православной церкви, но не внутренние, духовные сокровища. Православие было замкнуто, лишено духа прозелитизма и не раскрывало себя миру. Долгое время Православие не имело того мирового значения, той актуальной роли в истории, какие имели католичество и протестантизм. Оно оставалось в стороне от страстной религиозной борьбы ряда столетий, столетия жило под охраной больших империй (Византии и России) и хранило вечную истину от разрушительных процессов мировой истории. Для религиозного типа Православия характерно то, что оно не было достаточно актуализировано и выявлено во вне, не было воинственно, но именно потому небесная истина христианского откровения наименее в нем исказилась. Православие и есть форма христианства наименее искаженная в существе своем человеческой историей.

В Православной Церкви были моменты исторического греха, главным образом в связи с внешней зависимостью от государства, но само церковное учение, самый внутренний духовный путь не подвергались искажению.

Православная Церковь есть прежде всего Церковь предания в отличие от церкви католической, которая есть церковь авторитета, и церквей протестантских, которые суть церкви личной веры. Православная Церковь не имела единой внешне-авторитарной организации и она незыблемо держалась силой внутреннего предания, а не внешнего авторитета. Она оставалась наиболее связанной с первохристианством из всех форм христианства. Сила внутреннего предания в Церкви есть сила духовного опыта и преемственности духовного пути, сила сверхличной духовной жизни, в которой всякое поколение выходит из сознания самодовольства и замкнутости и приобщается к духовной жизни всех предыдущих поколений вплоть до

апостолов. В предании я имею один опыт и одно ведение с ап. Павлом, с мучениками, со святыми и со всем христианским миром. В предании мое знание есть не только знание личное, но и сверхличное, и я живу не в отдельности, а в Теле Христовом, в едином духовном организме со всеми моими братьями во Христе.

Православие есть, прежде всего, ортодоксия жизни, а не ортодоксия учения. Еретики для него не столько те, кто исповедует ложную доктрину, сколько те, кто имеет ложную духовную жизнь и идет ложным духовным путем. Православие есть, прежде всего, не доктрина, не внешняя организация, не внешняя норма поведения, а духовная жизнь, духовный опыт и духовный путь. Во внутреннем духовном делании видит оно сущность христианства. Православие есть наименее нормативная форма христианства (в смысле нормативно-рациональной логики и морального юрицизма) и наиболее духовная его форма. И эта духовность и сокровенность Православия нередко бывали источником его внешней слабости. Внешняя слабость и недостаток проявления, недостаток внешней активности и реализации бросилась всем в глаза, духовная же его жизнь и духовные его сокровища оставались сокровенными и незримыми. И это характерно для духовного типа Востока, в отличие от духовного мира Запада, всегда актуального и выявляющегося во вне, но нередко в этой активности себя духовно истощающего. В мире нехристианского Востока духовная жизнь Индии особенно сокровенна от внешнего взора и не актуализируется в истории. Эта аналогия может быть проведена, хотя духовный тип христианского Востока очень отличается от духовного типа Индии. Святость в мире православном, в отличие от святости в мире католическом, не оставила после себя памятников письменности, она оставалась сокровенной. И это еще не причина, почему трудно извне судить о духовной жизни Православия.

Православие не имело своего века схоластики, оно пережило только век патристики. И православная церковь и доныне опирается на восточных учителей церкви. Запад считает это признаком отсталости православия, замирания в нем творческой жизни. Но факту этому можно дать и другое истолкование: в православии христианство не было так рационализировано, как оно было рационализировано на Западе в католичестве при помощи Аристотеля и воззрений греческого интеллектуализма. Доктрины никогда не приобретали в нем такого священного значения, и догматы не были прикованы к обязательным интеллектуальным богословским учениям, а понимались, прежде всего, как мистические факты. В богословском же и философском истолковании догматов мы оставались более свободными. В XIX веке в России была творческая православная мысль, и в ней было проявлено больше свободы и духовного дарования, чем в мысли католической и даже протестантской.

Духовному типу Православия принадлежит изначальный и нерушимый онтологизм, который представлялся явлением православной жизни, и затем уже и православной мысли. Христианский Запад шел путями критической мысли, в которых субъект был противопоставлен объекту, и была нарушена органическая целостность мышления и органичная связь с жизнью. Запад силен сложным развертыванием своего мышления, своей рефлексией и критикой, своим утонченным интеллектуализмом. Но тут была нарушена связь познающего и мыслящего с первобытием и первожизнью. Познание выводилось из жизни, мышление выводилось из бытия. Познание и мышление не протекали в духовной целостности человека, в органической связанности всех его сил. На этой почве Западом были сделаны великие завоевания, но от этого разложился изначальный онтологизм мышления, мышление не погружалось в глубину сущего. Отсюда схоластический интеллектуализм, рационализм, эмпиризм, крайний идеализм западной мысли. На почве Православия мышление оставалось онтологическим, приобщенным бытию, и это явлено всей русской религиозно-философской и богословской мыслью XIX и XX веков. Православию чужд рационализм и юрицизм, чужд всякий норматизм. Православная Церковь не определима в рациональных понятиях, она понятна лишь для живущих в ней, для

приобщенных к ее духовному опыту. Мистические типы христианства не подлежат никаким интеллектуальным определениям, они также не имеют признаков юридических, как не имеют и признаков рациональных. Подлинное православное богословствование есть богословствование духовно-опытное. Православие почти не имеет схоластических учебников. Православие сознает себя религией Св.Троицы; не отвлеченным монотеизмом, а конкретным тринитаризмом. В духовной жизни, в духовном опыте и духовном пути отображается жизнь Св. Троицы. Православная литургия начинается со слов: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святого Духа». Все идет сверху, от Св.Божественной Троичности, от высоты Сущего, а не от человека и его души. В православном представлении нисходит сама Божественная Троичность, а не восходит человек. В западном христианстве гораздо меньше выражена Троичность, оно более христоцентрично и антропоцентрично. Это различие намечается уже в восточной и западной патристике, из которых первая - богословствует от Божественной Троицы, а вторая - от человеческой души. Поэтому Восток раскрывает главным образом тайны догмата тринитарного и догмата христологического. Запад же, главным образом, учит о благодати и свободе и об организации церкви. На Западе было большее богатство и разнообразие мысли.

Православие и есть христианство, в котором наиболее раскрывается Дух Святой. Православная Церковь потому и не приняла *filioque*, что видит в этом субординационизм в учении о Духе Святом. Природа Духа Святого наименее раскрывается догматами и доктринами, но по действию своему Дух Святой нам ближе всего, наиболее имманентен миру. Дух Святой непосредственно действует на тварный мир и преображает тварь. Это учение раскрыто величайшим русским святым Серафимом Саровским. Православие не только существенно тринитарно, но видит задачу мировой жизни в преображении по образу Св.Троицы, и по существу пневматично.

Я говорю о глубинах тайн в Православии, а не о поверхностных в нем течениях. Пневматологическая теология, ожидание нового излияния Духа Св. в мире легче всего возникают на православной почве. Это замечательная особенность Православия: оно, с одной стороны, консервативно и традиционно более, чем Католичество и Протестантизм, но, с другой стороны, в глубине Православия есть всегда великое ожидание религиозной новизны в мире, излияние Духа Св., явления Нового Иерусалима. Почти целое тысячелетие Православие не развивалось в истории; ему чужд был эволюционизм, но в нем таилась возможность религиозного творчества, которая как бы приберегалась для новой, еще не наступившей исторической эпохи. Это выявилось в русских религиозных течениях XIX и XX веков. Православие более резко разграничивает божественный и природный мир, Царство Божие и царство кесаря, и не признает тут возможных аналогий, к которым часто прибегает католическая теология. Энергия Божественная действует скрыто в человеке и мире. Про тварный мир нельзя сказать, что он есть божество, или божественен, нельзя и сказать, что он вне-божественен. Бог и божественная жизнь не похожи на мир природный и природную жизнь, тут нельзя проводить аналогии. Бог - бесконечен; природная жизнь органична и конечна. Но Энергия Божества переливается в природный мир, воздействует на него и просветляет его. Это и есть православное видение Духа Святого. Для православного сознания учение Фомы Аквината о естественном мире, утверждающее его в противоположении миру сверхъестественному, есть уже форма секуляризации мира. Православие в принципе своем пневматично, и в этом есть своеобразие. Пневматичность и есть последовательный, до конца доведенный тринитаризм. Благодать не есть посредник между сверхъестественным и естественным; благодать есть действие Божественной Энергии на тварный мир, присутствие в мире Духа Святого. Именно пневматизм Православия и делает его наименее законченной формой христианства, выявляя в нем преобладание новозаветных начал под началами ветхозаветными. На вершине своей Православие понимает задачу жизни как стяжание, приобретение благодати Духа Св., как духовное преображение твари. И это понимание

существенно противоположно законническому пониманию, для которого мир божественный и мир сверхъестественный есть закон и норма для мира тварного и естественного.

Православие, прежде всего, литургично. Оно научает народ и развивает его не столько проповедями и преподаванием норм и законоведения, сколько самим литургическим действием, в котором дан прообраз преображения жизни. Оно научает также народ образам святых и внушает культ святости. Но образы святых не нормативны; в них дано благодатное просветление и преображение твари действием Духа Святого. Эта не нормативность типа Православия делает его труднее для путей человеческой жизни, для истории, малоблагоприятным для всякой организации и для творчества культуры. Сокровенная тайна действия Духа Святого на тварь не была актуально переведена на пути исторической жизни.

Для Православия характерна СВОБОДА. Эта внутренняя свобода может не замечаться извне, но она всюду разлита. Идея свободы, как основы Православия, была выявлена русской религиозной мыслью XIX и XX веков. Признание свободы совести очень отличает православную церковь от церкви католической. Но понимание свободы в Православии отличное и от понимания свободы в протестантизме. В протестантизме, как и во всей западной мысли, свобода понимается индивидуалистически, как право личности, охраняющей себя от посягательств всякой другой личности и определяющей себя автономно. Православию чужд индивидуализм, ему свойственен своеобразный коллективизм. Религиозная личность и религиозный коллектив не противостоят друг другу, как внешние друг для друга. Религиозная личность находится внутри религиозного коллектива и религиозный коллектив находится внутри религиозной личности. Поэтому религиозный коллектив и не является внешним авторитетом для религиозной личности, извне навязывающими личности учение и закон жизни. Церковь не находится вне религиозных личностей к ней противопоставляемых; Она внутри их, и они внутри Ее. Поэтому Церковь не есть авторитет. Церковь есть благодатное единство любви и свободы. Православию чужда авторитарность, потому что эта форма порождает разрыв между религиозным коллективом и религиозной личностью, между Церковью и ее членами. Без свободы совести, свободы духа нет духовной жизни, нет даже представления о Церкви, так как Церковь не терпит внутри себя рабов, а Богу нужны лишь свободные. Но подлинная свобода религиозной совести, свобода духа раскрываются не в изолированной, автономной личности, самоутверждающейся в индивидуализме, а в личности, сознающей себя в сверхличном духовном единстве, в единстве духовного организма, в Теле Христовом, т.е. в Церкви. Моя личная совесть не внеположна и не противоположна совести сверхличной, совести церковной, она раскрывается лишь внутри церковной совести. Но без активного, духовного углубления моей личной совести, моей личной духовной свободы не осуществляется жизнь Церкви, ибо эта жизнь Церкви не может быть внешней для личности и навязанной ей. Пребывание в Церкви требует духовной свободы не только в первый момент вступления в Церковь, что признает и католичество, но и в течение всей жизни. Свобода Церкви в отношении к государству всегда была в опасности, но свобода внутри Церкви всегда была в Православии. В Православии свобода сочетается органически с соборностью, т.е. с действием Духа Святого на религиозный коллектив, которое присуще Церкви не только во времена Вселенских Соборов, но и всегда. Соборность же в Православии, которая и есть жизнь церковного народа, не имела внешних юридических признаков, она имела лишь внутренние, духовные признаки. Даже Вселенские Соборы не обладали внешним непререкаемым авторитетом. Непогрешимость авторитета признавалась лишь за церковным целым, на протяжении всей ее истории, и носителем и хранителем этого авторитета являлся весь церковный народ. Вселенские Соборы обладали авторитетом не потому, что они соответствовали внешним юридическим признакам легальности, а потому, что церковный народ, вся Церковь признала их Вселенскими и подлинными. Лишь тот Вселенский Собор подлинный, в котором произошло изливание Святого Духа; изливание же Святого Духа не имеет

внешних юридических критериев, оно узнается церковным народом по внутренним духовным свидетельствам. Все это указывает на ненормативный и неюридический характер Православной Церкви. Вместе с тем православное сознание понимает Церковь наиболее онтологически, т.е. видит в Церкви прежде всего не организацию и учреждение, не просто общество верующих, а духовный религиозный организм, мистическое Тело Христова.

Православие космичнее западного христианства. Ни в католичестве, ни в протестантизме не была достаточно выражена космическая природа Церкви, как Тела Христова. Западное христианство преимущественно антропологично. Но Церковь есть также охристовленный космос; в Ней подвергается воздействию благодати Духа Святого весь тварный мир. Явление Христа имеет космическое, космогоническое значение; оно означает как бы новое творение, новый день миротворения. Православию наиболее чуждо юридическое понимание искупления как разрешения судебного процесса между Богом и человеком, и более свойственно онтологическое и космическое его понимание как явления новой твари и нового человечества. Центральной и верной идеей восточной патристики была идея Theosis'a, обожения человека и всего тварного мира. Спасение и есть обожение. И обожению подлежит весь тварный мир, весь космос. Спасение есть просветление и преображение твари, а не судебное оправдание. Православие обращено к тайне ВОСКРЕСЕНИЯ, как к вершине и последней цели христианства. Поэтому центральным праздником в жизни православной церкви является праздник Пасхи, Светлое Христово Воскресение. Светлые лучи Воскресения пронизывают православный мир. В православной литургике праздник Пасхи имеет безмерно большее значение, чем в католичестве, где вершина – праздник Рождества Христова. В католичестве мы прежде всего встречаем Христа распятого, в православии – Христа Воскресшего. Крест есть путь человека, но идет он, как и весь мир, к Воскресению. Тайна Распятия может заслонить собою тайну Воскресения. Но тайна Воскресения есть предельная тайна Православия. Тайна же Воскресения не только человеческая, но и космическая. Восток всегда космичнее Запада. Запад же человечнее; в этом его сила и значение, но также и его ограниченность. На духовной почве Православия возникает стремление ко всеобщему спасению. Спасение понимается не только индивидуально, но и соборно, вместе со всем миром. И из недр Православия не могли бы раздаться слова Фомы Аквината, который сказал, что праведник в раю будет наслаждаться муками грешников в аду. Также на почве Православия не могло возникнуть учение о предопределении, не только в форме крайнего кальвинизма, но и в форме представлений бл.Августином. Большая часть восточных учителей церкви, от Климента Александрийского до Максима Исповедника, были сторонниками апокатастасиса, всеобщего спасения и воскресения. И это характерно для (современной) русской религиозной мысли. Православная мысль никогда не была подавлена идеей божественной справедливости и она никогда не забывала идеи божественной любви. Главное – не определяла человека с точки зрения божественной справедливости, а из идеи преображения и обожения человека и космоса.

Наконец, последнюю и важную черту в Православии нужно видеть в его сознании эсхатологичности. В недрах Православия более сохранилась первохристианская эсхатологичность, ожидание второго пришествия Христа и грядущего Воскресения. Эсхатологичность Православия означает меньшую привязанность к миру и земной жизни и большую обращенность к небу и вечности, т.е. к Царству Божьему. В христианстве западном актуализация христианства в путях истории, обращенность к земной устроенности и земной организации заслонили собою тайну эсхатологии, тайну второго пришествия Христова. В Православии, именно вследствие его меньшей исторической активности, сохранилось великое эсхатологическое ожидание. Апокалиптическая сторона христианства осталась наименее выраженной в западных формах христианства. На Востоке же, на православной почве, особенно на почве русского православия, возникли течения апокалиптические, ожидание новых излияний Духа Святого. Православие – наиболее традиционная, наиболее

консервативная форма христианства, ибо охраняло древнюю истину, но в нем же заложена возможность наибольшей религиозной новизны, не новизны человеческой мысли, которая так велика на Западе, но новизны религиозного преобразования жизни. Примат всей целостной жизни над дифференцированной культурой был всегда особенно характерен для Православия. На почве православия не создано той великой культуры, которая создана на почве католичества и протестантизма. И, быть может, потому это так и было, что Православие устремлено к Царству Божьему, которое должно явиться не в результате последствий исторической эволюции, а в результате таинственного преображения мира. Не эволюция, а преображение характерно для Православия. Православие нельзя узнать по оставшимся теологическим трактатам; оно узнается в жизни Церкви и церковного народа, оно менее всего выражается в понятии. Но православие должно выйти из состояния замкнутости и изолированности, должно актуализировать свои сокровенные духовные богатства. Тогда только оно приобретает мировое значение. Признание исключительного духовного значения Православия как наиболее (чистой) формы христианства не должно порождать в нем самодовольства и вести к отрицанию значения западного христианства. Наоборот, мы должны узнать западное христианство и многому учиться у него. Мы должны стремиться к христианскому единению. Православие благоприятно для христианского единения. Но православное христианство наименее подвергалось секуляризации и потому оно может безмерно много дать для христианизации мира. Христианизация мира не должна означать обмирщения христианства. Христианство не может быть изолировано от мира и оно продолжает в нем движение, не отделяясь и оставаясь в мире, – должно быть победителем мира, а не быть им побежденным.

От редакции:

...Будучи верным сыном Православной Церкви, Н.А.Бердяев оставался в своем философском творчестве свободным мыслителем, на что он сам неоднократно указывал. Тем более ценно для нас его свидетельство об Истине Православия, не связанное условным и часто безжизненным языком «школьного богословия».

Помещая на страницах «Вестника» эту доселе не изданную его статью, редакция считает своим долгом во избежание недоумений, могущих возникнуть у некоторых читателей, пояснить те выражения, которые могли бы быть неправильно истолкованы.

Так, когда Н.А., настаивая на пневматологическом характере православного богословия, говорит об «ожидании нового излияния Духа Святого в мире», он отнюдь не имеет в виду «Третий Завет» или какую-то новую эру Святого Духа, идущую на смену христианскому откровению: из контекста ясно, что эти доводы относятся к эсхатологическому свершению ("Небесный Иерусалим"). Так же и далее в словах Н.А.Бердяева об «апокатастасисе» (противопологаемом здесь западному учению о «предопределении») не следует непременно усматривать еретический смысл. Апокатастасис как божественный детерминизм всеобщего спасения был бы менее всего приемлем для философа, который положил в основу своей мысли пафос свободы.

Другие материалы посвященные Н.А. Бердяеву , .. <BERDJAEV.HTML>

Александр Копировский: О «Бердяевских чтениях» в Киеве

Богословие и философия

В конце мая 1991 г. в Киеве состоялся семинар, посвященный творчеству знаменитого христианского философа Николая Александровича Бердяева (1874–1948).

Бердяев родился в Киеве, учился там в кадетском корпусе, затем – на юридическом факультете Университета, откуда со второго курса в 1898 г. был исключен за участие в студенческом антиправительственном движении и сослан в Вологодскую губернию. Так закончился «киевский», начальный период его жизни, длившийся 24 года.

Бердяев очень любил Киев, считал его одним из самых красивых городов не только России, но и Европы. Его семья жила в Липках, дворянско-аристократической части города, примыкавшей к монашеской части (кстати говоря, обе бабушки Бердяева были монахинями). Правда, Бердяев вряд ли мог сказать о себе, подобно А.де-Сент-Экзюпери: «Я родом из моего детства» – как христианин, а затем духовный писатель он «состоялся» позже. В основном его творческая жизнь связана с Москвой (при библиотеке им. А.С.Пушкина, около Патриаршего Елоховского собора, ныне существует даже музей Н.А.Бердяева) и Парижем, где он поселился после высылки из России в 1922 г

Тем не менее, именно представители киевской интеллигенции выступили с идеей семинара, посвященного Н.А.Бердяеву, и сумели осуществить ее на высоком уровне – честь и хвала им и особенно ведущему семинара, Вадиму Скуратовскому (правда, не обошлось и без курьезов: в духе несколько повышенного «градуса» патриотизма один из присутствующих назвал Бердяева «великим украинским философом», а целый ряд докладов читался на украинском языке).

Темы выступлений были серьезны и разнообразны. Стоит отметить доклад киевского профессора Сергея Крымского «Кризис антропологизма и проблема духовности», в котором он говорил об актуальности творчества Н.Бердяева, о жизненной важности его ответов на многие острые сегодняшние вопросы, выступление Аллы Латыниной о конъюнктурной цитации Бердяева в современной журнальной полемике (Бердяева делают «рупором идей» зачастую противоположных), а также доклад свящ. Георгия Кочеткова «Гений Н.А.Бердяева и Церковь», который встряхнул начавший было «академизироваться» семинар и привел его к вполне бердяевской по духу, бурной дискуссии.

Ниже мы помещаем тезисы этого доклада, приглашая интересующихся продолжить обсуждение. Надеемся, что желание киевлян сделать «Бердяевские чтения» ежегодными реализуются, и огненное слово Николая Бердяева, которое вначале по благословению о.Алексея Мечева должен был услышать Запад, теперь все чаще будет звучать и у нас.

Священник Георгий Кочетков: Гений Бердяева и Церковь

Богословие и философия

Тезисы доклада, прочитанного на 1-х «Бердяевских чтениях» в Киеве 28 мая 1991 г.

Недостаточность исторической перспективы не позволяла до сего времени всерьез обратиться к теме взаимоотношений Николая Бердяева и Церкви. Поэтому, впервые начиная об этом разговор, попытаемся расставить хотя бы некоторые точки над «i» и утвердить исходные постулаты в раскрытии данной темы:

1. Н.А.Бердяев особенно остро переживал различия, а иногда и противоречия между церковью

и Церковь. Он был неотъемлемым членом Церкви, смело и даже дерзновенно относившимся ко всем человеческим и историческим структурам и организациям в ней и, следовательно, в целом к церкви. Бердяев понимал роль церкви, но более желал исполнять свою великую пророческую миссию – поддержать «скинию Давидову падшую», проявить в жизни и усилить Церковь. Он никогда не уходил из Православия, но часто был невысокого мнения о православной конфессиональной институции. Бердяев видел уникальность духа Православия в прошлом, настоящем и будущем, ибо он укоренен в вечности, но так или иначе он мог и смел видеть правду и истину и в других церквях и духовных учениях. Он стремился к полноте истины и считал, что обрести эту полноту можно в Православной церкви, хотя не отрицал такой возможности и для неправославных христиан. Он чувствовал необходимость для всех христиан прорываться через свою конфессиональную ограниченность и жизненную неправду. Его интересовало и учение, и жизнь церкви, хотя он понимал, что жизнь превосходит церковное учение, и что учение становится завидным ее образцом.

2. Н.А.Бердяев был великим апологетом Христианства (тождественного Православию) и должен быть признан церковью как один из величайших защитников и проповедников его учения.

3. Н.А.Бердяев стремился к воцерковлению жизни, всего подлинного в ней, к тождеству Христианства не с высшей религией, а с высшей Жизнью. Он ждал поэтому нового откровения силы Божьей, Божьего Духа, ибо знал, что Дух есть сила (энергия). В этом смысле он является прямым «продолжателем» последнего великого православного святого отца – практика, мыслителя, пророка и догматиста – св. Григория Паламы, без которого нельзя понять и признать бердяевского пафоса проникновения человека в божественные тайны Свободы и Творчества. А без приобщения к ним нельзя найти и осуществить человеческого призвания. Так Н.А.Бердяев раскрыл апостольское учение о том, что «наше жительство на небесах».

4. Н.А.Бердяев оправдал человеческую плоть (тело и душу человека), соединив ее с жизнью человеческого духа, приобщенного к вечной Жизни Духа Божьего во Христе и через Христа.

5. Н.А.Бердяев впервые (после ап. Павла) оказался вполне на высоте христианской антропологии, заново открыв и описав ее центр – Богооткровенную (от слова «откровение») во Христе соборную человеческую личность, понятую уникально и чисто по-христиански, «экзистенциально», не тождественную никакой индивидуальности, но противостоящую ей. (Его термин «персонализм» – не самый удачный).

6. Н.А.Бердяев ввел и другие понятия, поставившие в христианстве многие вещи на свои места. Например, он отказался от онтологии в пользу подлинной «экзистенции», понятой не по-западноевропейски, а по-православному, даже прямо по-библейски. Для него Бог Яхве не просто Сущий, а Единый, истинно Существующий. (Термин «экзистенциализм» – также не самый удачный у Бердяева.).

7. Н.А.Бердяев возродил достоинство христианского (нееретического) гностицизма, ощутив единство мира в его иерархическом строении, как и соответствующей ему жизни. Он строил новое здание необъективированного и неидеализированного познания Бога, мира, жизни и человека, не стесняясь использовать при этой постройке как бы «строительные леса» – мифологемы (Ungrund, Адам Кадмон, коммунизм и т.д.). Однако ясно, что по мере завершения строительства здания эти «леса» ему и нам все менее необходимы (подобно «софиологии» конгениального о.С.Н.Булгакова).

8. Н.А.Бердяев заново осмыслил историю, определенно поставив ее под знак «эсхатона», чем признал всю ее трагическую тяжесть и неизбежную неудачу, но в то же время всю ее высшую

правду, растворенную свойственным только ему вкусом борьбы за нее ради откровения полноты метаисторической богочеловеческой истины.

9. Н.А.Бердяев утверждал ценность и достоинство социального и культурного строительства в единстве его лучших достижений в настоящем и прошлом. Однако он знал ему меру и его место.

10. Н.А.Бердяев, веря в Слово и силу слова, говорил на современном ему языке и не стилизовался (в отличие, например, от о. П.Флоренского). Поэтому он так трудно вписывается в наш современный стиль церковной жизни и благочестия. С него было бы трудно писать традиционную икону.

11. Н.А.Бердяев показал недостаточность в христианской жизни духовных символов, знаков, «теней» и образов и тем самым то, что Церковь Божия – больше даже своих таинств и догматов, ибо она есть весь Божий мир, она есть Божия Тайна, которая открывается лишь верующему ей сердцу в непрерывном напряженном искании и движении духа и Духа в нем.

12. Н.А.Бердяев заново осмыслил и утвердил, как своего рода аристократические, «аскетические добродетели» в христианстве. Он возвел послушание к Богу, а смирение к его корню – Миру, который есть тот же Бог (вспомним сказанное о Христе: «Он есть мир наш»). Для Бердяева и целомудрие не было связано непременно с безбрачием, а с Целостностью, Единством, Мудростью.

13. Н.А.Бердяев последовательно выступал против любого, и особенно духовного, насилия (как обычного проявления духовной слабости), показав пример борьбы со всякого рода противниками оружием духовной правды и Истины, которая побеждает неправду и неистину внутренней силой собственной убежденности через восполнение положительного духовного и нравственного опыта своего противника, а не разрушение его лишь потому, что в нем не все правильно (праведно) и истинно.

Священник Георгий Кочетков: Анабаптизм в православии

Богослужение и таинства

(К вопросу о таинстве Крещения и перекрещивании в связи с некоторыми публикациями перешедшего из Католической церкви в Православную архимандрита Плакиды Десей)

Одним из самых острых, больных и запутанных вопросов православной жизни является вопрос перехода членов Православной церкви в другие христианские церкви, конфессии и деноминации, а также переход инославных в православие. Как было бы, казалось, хорошо, чтобы таких переходов вообще не было, тем более в наше время, когда прозелитизм осужден всеми христианскими церквями. И все же, несмотря на то, что такие переходы никогда не решают и не решат проблемы единства церкви, а зачастую (и по сей день) обостряют ее, свобода выбора и перехода из церкви в церковь, особенно в Православии, должна сохраняться как неотъемлемое право всякого христианина, прямо касающееся общего для всех людей права на свободу совести.

Если речь идет о воссоединении кого-либо с той или другой Православной церковью, то всегда неизбежен вопрос о том, как это лучше сделать. Но здесь-то чаще всего и начинается

страшная путаница, подчас граничащая с духовным (церковным) преступлением.

Когда несколько раз в Москве привелось впервые услышать о католических монахах, присоединившихся к Православной церкви, нельзя было не ощутить известной радости. Но когда выяснилось, что делалось это на Афоне и через крещение, то в воздухе повис вопрос и даже возмущение: что это экзотический анахронизм, результат духовного невежества или нечто худшее? Вскоре на этот случай стало принято ссылаться, как на какое-то недоразумение, близкое к нонсенсу, во всяком случае до тех пор, пока до нас не дошли 146 и 147 номера «Вестников Р.Х.Д.» с достойной лишь сожаления апологией этой практики, исходящей уже от самого главного «виновника торжества» уважаемого архимандрита Плакиды Десей. К счастью, он, будучи безусловно искренним и честным, сам сказал об их перекрещивании, и что в некоторых «католических и православных кругах... этот факт вызывал впоследствии удивление, а порой и негодование» (№146, с.59). Объясняет это о.Плакида просто лишь малым знакомством этих кругов с богословской и канонической традицией греческой (?) церкви.

Поэтому в № 146 он, естественно, пытается лучше ознакомить их с этой традицией, а в №147 «Вестника» использует тот же материал для построения «православной (а на самом деле лишь греческой церкви и то не во всех ее »кругах") точки зрения на единство христиан".

Вернувшись к событиям III века, о.Плакида напоминает нам о разных практиках римской и азиатско-африканской церковью при принятии в них «инославных». При этом предпочтение явно отдается второй практике со ссылками на святых Киприана и Фирмилиана, которые «учили о глубокой связи Церкви и таинства» (там же). Но при этом ничего не говорится о духовных основаниях иной практики западной церкви, как будто «западное» автоматически значит «ущербное». Не говорится и о том, кто же конкретно скрывается на «западе» и «востоке» за этим не совсем ясным в контексте жизни церкви III века понятием «инославные» (в современном своем смысле совсем не тождественным представлению церкви того времени о «еретиках»), хотя очевидно, что это главный вопрос при дифференцированном решении проблемы чиноприема. Автором также не учтено, что особенностью экклезиологии названных выше святых было как раз то, что в ней явно ощутим формально-юридический, как бы многие сейчас сказали «западный», а на самом деле от века апостольского известный и на «востоке» подход к церкви, не позволяющий различать, так сказать, «церкви дольней», с малой буквы, от «Церкви горней», с буквы большой, и поэтому отождествляющий их границы, внешние, официальные, почти социальные и формально-мистериальные границы церкви институциональной и внутренние, духовные мистические границы Церкви как Тела Христова.

Поэтому нам с самого начала рассуждений о.Плакиды не вполне ясно, какие выводы можно делать из принципа «глубокой связи Церкви и таинства». Если здесь писать слово «Церковь» с большой буквы это одно, причем истинность этого положения не только не вызывает сомнений и оговорок, но прямо представляется полной, универсальной и непреходящей. Но если мы здесь напишем слово «церковь» с малой буквы, то потребуются существенные оговорки и оглядки, согласующие это положение с нашим внешним и внутренним, личным и церковным духовным опытом, поскольку всем сейчас достаточно хорошо известно, что можно формально и официально принадлежать Православной церкви и не быть вполне или даже вовсе в Церкви, но можно, наоборот, внешне в ней не числиться, но в принципе отчасти или даже вполне ей принадлежать.

Это, по сути, утверждает о.Плакида, когда пишет о Свободе Святого Духа (у него, правда, больше похожей на свободу с малой буквы, т.е. на свободу воли, даже почти на божественный произвол) в Его дарах, которые «могут быть обретены вне обычных путей спасения, там, где сердца готовы принять их» (№ 146, с. 62; только не ясно, почему речь о дарах подменяет собою более уместную здесь речь о даре Святого Духа, см. Деян 2,38). Здесь же о.Плакида приводит и

замечательное место из св. Григория Богослова (ср. I Ин 2,19), говорившего, правда, несколько по иному поводу, что «так же, как многие наши не с нами, ибо жизнь, которую они ведут, отрывает их от единого Тела, так и многие внешние нам принадлежат, ибо у них нравы опережают веру, и им не хватает только имени, тогда как они обладают самой Истиной» (P.G. 35, col.992; хочется надеяться, что, написав в этой цитате слово «Тело» и «Истина» с большой буквы, я не исказил духа и смысла слов святого отца). Но ведь обладание Истиной означает пребывание в Том, Кто Сам есть Истина, т.е. во Христе, а всем известно, что где Глава, там и Тело, где Христос, там и Церковь Божия, но увы, там не всегда, особенно в наше время, институциональная церковь, даже именуемая Православной.

Сам о. Плакида делает из этих признаний, к сожалению, другой вывод. Он считает, что «нам ничего не остается, как предоставить этот вопрос милосердию Божьему и всецело на него положиться» (№ 146, с.62). Тем самым он утверждает принципиальный агностицизм в Церкви и потому невольно разделяет Главу и Тело, вводя противоречие между ними, точнее, между церковным учением и практикой, с одной стороны, и духовной Истиной и Жизнью, с другой.

Но вернемся к рассуждениям о. Плакиды. Он и здесь, не опасаясь, так сказать, «модернизации», свято уверен сам и уверяет других в том, что на Востоке, «особенно благодаря влиянию св. Василия Великого, никогда не переставали считать, что экклезиология и богословие св. Киприана более соответствует преданию и духу Церкви, чем учение бл. Августина» (с. 60), утвердившего «римское учение о действительности таинств инославных Церквей» (с. 59). Заметим снова, что нельзя ничего понять в этих его словах, хотя бы постольку, поскольку Церковь с большой буквы как раз в отличие от церкви с малой буквы, очевидно, одна-единственная (вспомним: *Ecclesia est una et sola*) и к Ней, как и к Ее Главе, в принципе неприменимы ни понятие «инославная», ни множественное число. К разбору этого места по существу мы вернемся при рассмотрении 4-го пункта второй статьи о. Плакиды в 147 номере «Вестника», озаглавленной «Православная Церковь и »церковность" римо-католической Церкви".

Далее о. Плакида начинает эксплуатировать без достаточных на то оснований важную в православном богословии и всей церковной жизни пару понятий «акривия-икономия». Оставаясь верным себе, он приписывает всей Церкви мнение, будто идеальной нормой ("акривией") таинственной жизни в ней было (что программирует и продолжение есть и будет) «присоединение инославных путем крещения» (с. 60). И опять ни слова о различии еретиков того времени от современных инославных, о различном отношении Церкви к различным группам еретиков, о современном опыте различения Церкви и церкви (церквей) и т.д. Всякое же отклонение от этой «идеальной нормы», как и всякие «внешние противоречия, которые можно обнаружить в канонических текстах Соборов (опять эта путаница с большой буквой! Авт.) и свв.отцов, а так же в многовековой практике Православной Церкви» (с.60, выделено мной. Авт.), он объясняет церковной «икономией», которую, в свою очередь, сводит лишь к внутренне-произвольному нисхождению Церкви к человеческой слабости. По о. Плакиде, «икономия» некая «палочка-выручалочка», которую Церковь может пустить в ход по требованию любых внешних обстоятельств без всякого внутреннего обоснования. У него это не «домостроительство», а безотказное средство прикрытия любого компромисса. Вот, например, Церковь учит при приеме в общение крестить «инославных», а в каких-то церквах, почему-то вразрез с этим (тоже, видимо, по слабости), завелась другая практика и, значит, в силу «соображений икономии» уже можно считать возможным использовать эту практику и в остальных церквах. Единственное, что может увидеть в фундаменте той и другой практики о. Плакида это канонические правила: 46-е апостольское, подтвержденное на Трулльском соборе, с одной стороны, и I-е правило св. Василия Великого, с другой. Но на чем основаны эти каноны, батюшке Плакиде неведомо. Поэтому и получается, что одного и того же католика по

акривии Церкви надо, конечно, крестить, а, значит, он до обращения в православие был не крещен, но «допустимо» по икономии Церкви того же католика «присоединить к православию только через покаяние и исповедание православной веры» (там же), а, значит, он был крещен и требовал лишь «восполнения» своего таинства Крещения покаянием, научением с исповеданием веры и причащением. Трагическое противоречие! Тем более что покаяние и исповедание совсем не то же, что традиционно в подобных случаях для Запада, по о.Плакиде, возложение рук или миропомазание.

Дальнейшие ссылки в статье на Пидалион и прочие формально действующие старые (но не древние!) каноны некоторых греческих церквей также ничего не меняют по существу. Возникают лишь новые тяжкие вопросы. Например, в каком смысле без всяких оговорок в них говорится о «повторном крещении»? За такими вопросами стоит все та же неразрешимая дилемма крещен католик или нет? А ведь эти каноны составлялись, в известном смысле, наспех, в сложных условиях упадка всех сторон церковной жизни и ожесточенной конфессиональной борьбы с католической экспансией, на что у о.Плакиды нет и намека. У него каноны живут не только без корней, но и вне времени и пространства. Прикрывающаяся ложно понятой церковной акривией сектантско-конфессионалистская по духу практика некоторых частей как греческих, так, увы, и славянских и прочих православных церквей, требующих перекрещивания даже католиков (можно себе представить, что они думают о протестантах!), восхваляется о.Плакидой еще постольку, поскольку она, по его словам, «не порицает» склоняющихся к икономии. Но мы говорим открыто анабаптистская практика порочна и недостойна Православных церквей. Да, и католики, и протестанты крещены и в перекрещивании не нуждаются. В чем они обычно нуждаются так это в том или в ином «восполнении» их таинства Крещения для того, чтобы их членство в Церкви сделать более полным. И уж если говорить, что кто-то из них нуждается в Крещении, пусть внешне и «повторном», то в том же смысле, в каком это может быть обращено и ко всякому внешне крещеному в Православной церкви, когда, по выражению св. Григория Нисского в 40 главе «Большого огласительного слова», «вода осталась водой», что видно из соответствующих «плодов» их дальнейшей жизни и засвидетельствовано всею церковью или хотя-бы «двумя-тремя», собранными во имя Христа. Мы никогда не согласимся с тем, что нормальное Крещение католиков и протестантов при сохранении ими общего с нами Символа веры и общего Священного писания не есть истинное и правильное таинство Крещения, а крещение в нашей церкви, когда оно совершается вне всякой христианской веры и жизни со стороны крещаемого, родителей и крестных и всякой внутренней связи их с теми, кто достойно совершает обряд таинства, и есть христианское, истинное и правильное. Если первое, «инославное» Крещение, судя по духу и плодам, действительно, то оно и действительно, и если второе, «православное» крещение, судя по тем же духу и плодам, недействительно, то оно и недействительно.

Следуя по тексту далее, мы видим все новые «чудеса» как в душе, так и в голове автора, которому эклектически хочется собрать все, что в его очах может иметь хоть малую ценность. Так, не задумываясь о последствиях, он пишет, что в его собственном перекрещивании «был не »отказ" от католического крещения, полученного во имя Троицы, а признание, что все его значение исполнилось благодаря нашему присоединению к православию" (с. 61). Итак, что же, теперь из соображений «акривии» можно исповедывать два Крещения? Или все же католическое крещение «во имя Троицы» не христианское таинство Крещения? Фраза о.Плакиды совмещает в себе несовместимое: одновременное утверждение двух не только логически, но и духовно противоположных реалий. Далее, исходя из общего места, что общность веры у нас с католиками несовершенна (а совершенна ли она у нас между православными, особенно если взять всю совокупность крещеного в нашей церкви «народа Божьего»?), автор делает, наконец-то, верный вывод, что «католические таинства не могут

быть непосредственно признаны православной Церковью»(там же). Но только из контекста ясно, что для него это значит не необходимость и внутреннего, и внешнего «восполнения» таинства через покаяние, научение и т.д., а снова лишь перекрещивание.

И наконец, последнее для нас в первой статье о Плакиды заявление по вопросу о «действенности» таинства (в нашей терминологии: скорее так, чем его «действительности», что добавляет ко всему прочему «букету» нестерпимый дух языческого и схоластического магизма). «Обыкновенно, пишет о. Плакида, действительность таинства, реальное обретение благодати зависит от каноничности его совершения»(там же). Если говорить в юридических терминах «действительности», то это еще можно понять, хотя и нельзя безоговорочно принять. Но тогда причем здесь «реальное обретение благодати»? Если же говорить с точки зрения «действенности» таинств и этого «реального обретения», придется вспомнить о том, что единым Совершителем всех таинств (чем они и отличаются от благочестивых обрядов церкви) является Господь Бог и, следовательно, дар благодати зависит лишь от Него. А все в Церкви и вся Церковь только служители таинств и совершители их чинов по определенным внутренним и внешним правилам (канонам), которые всегда тем или иным образом исторически и человечески обусловлены и, следовательно, невечны.

А теперь, главным образом, на материале следующей статьи о. Плакиды, в 147 номере «Вестника» «Православная точка зрения на единство христиан»(П., 1986-II) подробнее разберемся с «западной»(католической) традицией в ее связи с нашей «восточной», точнее, православной.

О. Плакида в п.4 этой статьи так описывает понятие церковности Православной и Католической церквей, что вначале нам хочется скорее согласиться с его описанием католических взглядов и встать на сторону католиков.

Он говорит (№ 147, с. 35), что «для римо-католиков церковность отделенных от Рима Церквей реальна, но не полна», а мы бы сказали как и для нас церковность отделенных от евхаристического общения с нами инославных христиан. «Она реальна в том смысле, что совершаемые в них таинства, в частности крещение, полностью действительны». И для нас тоже, если они действительны так, как свойственно этим таинствам, то они и действительны. «В частности, православная Церковь в глазах римо-католиков обладает большинством установленных Христом средств спасения». Но точно так же, как и католики в наших глазах, если только не обращать внимания на схоластическую терминологию в отношении таинств и содержания церковной жизни: «средства спасения» вместо духовных истин, как и выше, «полностью действительны» вместо «истинны». «Ей недостает только того основного средства спасения, каким является вселенский примат юрисдикции папы». Но мы тоже считаем, что католикам явно и принципиально не хватает если не юрисдикционного, то прежде всего духовно-таинственного, а потом и внешне-юридического общения с нами как живой апостольской традицией, с условием непредъявления каких-либо требований и претензий друг к другу при установлении этого общения, поскольку мы ради этого общения готовы терпеть все нынешние католические богословские искажения и практические недостатки, воспринимая их как внутренние особенности и проблемы Католической церкви, в решении которых мы можем ей помочь, как можем и продолжать спорить с католиками об их папстве, филиокве и т.д., «да откроются между нами искусные», но при этом надеясь и на соответствующее терпение и помощь с их стороны при их столкновении с нашими многочисленными искажениями и практическими недостатками.

Но далее наш акцент переносится на критику католического учения.

О. Плакида продолжает, что «в соответствии с таким пониманием Римская церковь основывает

свои экуменические усилия главным образом на взаимном признании действительности крещения, полученного всеми христианами»(там же). Поскольку для католиков это неразрывно связывается с чуждым Православию папским догматом, постольку это основание экуменической активности нам также чуждо. Поэтому о.Плакида прав, когда ниже заключает, что нам «в качестве отправной точки диалога нельзя брать »взаимное признание одного крещения"(с. 39. Курсив авт.). Верно, наша главная отправная точка в этом диалоге не католический взгляд на крещеных, как на принадлежащих юрисдикции папы, а православный взгляд на истинность и духовную действенность таинства Крещения, совершаемого в католических и протестантских церквях. Мы верим, сознаем и исповедуем пред всем миром, что все мы, христиане, уже в большой степени едины, поскольку мы едины в основах веры (через Никео-Цареградский Символ веры), в Священном писании и в таинстве Крещения, которое открывает всем нам возможность приобщения к полноте церковностиFВспомним слова митрополита Филарета (Дроздова): «Никакую церковь, верующую, что Иисус есть Христос, не дерзну я назвать ложной». См.тезисы доклада о.Ливерия Воронова «Богословские основы православного понимания экуменизма», ЖМП, 1987, № 9, с. 19.>, хотя, как правило, и недостаточно реализуемую в неправославных христианах вследствие их специфических родовых отклонений от некоторых принципов Православия в вере и жизни. Но, говоря об инославных, мы не должны забывать и о своих грехах, ибо постоянно приходится иметь дело с тем, что в самом православии эти принципы до всех не доходят.

Категорически не принимаем мы и магическое представление католиков о действительности таинств «ex opere operate»(в силу совершившегося дела). Поэтому хочется вопить «нет!»и плакать, когда читаешь очередной раз о том, что «у католиков крещение считается всегда(!) вполне действительным, даже в еретических или схизматических группировках, если только его чин совершен правильно и оно преподается согласно намерению Церкви (даже если совершающий крещение сам не крещен или неверующий)»(с. 35, не ясно вообще, как такой «креститель»может преподавать что-либо согласно намерению Церкви, или что тогда имеется в виду под этими намерениями?).

Из этого следует еще одно наше расхождение с католическими богословами, поскольку «отсюда, согласно классическому римскому богословию, всякий крещеный по праву подчинен юрисдикции папы»(там же). Не меняют дела и окрашенные той же магией современные формулировки этой «истины». Упоминаемые далее о.Плакидой с нотой осуждения тенденции Римской церкви «минимизировать серьезность разделяющих нас разногласий»(с. 36) вновь заставляют вспомнить незавидную сектантско-конфессионалистскую тенденцию «богословия»самого о.Плакиды и стоящих за ним церковных кругов, которую он настойчиво приписывает Православию и потому навязывает всем православным (как будто у нас нет других грехов, от которых надо срочно избавляться). Для очередного подтверждения своей «правоты»о.Плакида ссылается на Ива Конгара, который в принципе прав, когда говорит, что «древнее христианство всегда отклоняло название »Церковь"в применении к общинам, отделившимся от единой видимой Церкви, которая и является Церковью «кафолической», т.е. подлинной и православной..."(там же). Но ведь это же «древнее христианство»желало скорейшего «восстановления царства Израилю», поддерживало хилиазм и т.д., точно так же проявляло наивность, как и здесь, не различая Церкви горней от церкви дольней (для чего в наше время, как мы уже говорили, еще меньше оснований).

С точки зрения о.Плакиды, «православная Церковь признает за инославными общинами лишь »потенциальную"церковность, которая актуализируется только через фактическое вхождение этих общин в ее общение (но почему все же и здесь не идет речь о полноте общения с Богом и Иисусом Христом? Неужели это уже стало только абстракцией? Прим.авт.). Эта потенциальная церковность измеряется количеством тех элементов подлинного Предания, которые

материально сохранились в этих общинах, несмотря на более или менее серьезные искажения некогда общих веры и Предания" (с. 36). Далее он перечисляет эти элементы потенциальной «церковности» у католиков. И здесь вновь нельзя не вмешаться. Кроме того, что это перечисление, мягко скажем, поверхностно (практически все перечисленные элементы не изначальны в церкви) и весьма неполно, остается неясным самый принципиальный вопрос. Если эти элементы Предания «материально» (хотя надо было бы по-православному сказать «реально», ибо, строго говоря, материальными элементы Предания быть вообще не могут) сохранились, то почему же они составляют церковность «потенциальную», а не актуальную, не действенную и не действительную? Но сразу же далее о. Плакида, еще не распутавшись со схоластическими категориями, утверждает, что «для того, чтобы эта материальная и потенциальная церковность вновь стала реальной и действенной, основным условием является всецелое исповедание православной веры, без добавлений и изъятий, и возвращение к существенным традициям Церкви в практике таинств и дисциплины» (с. 36–37). Но что значит по отношению к православной вере понятие «всецелое», как будто она некий свод законов по ветхозаветному образцу, по отношению к которому не позволено ничего добавлять и изымать? Да и как вообще можно на перспективу ставить задачу какого-либо возвращения? Это было бы почти тем же, что «взявшись за плуг, оборачиваться назад». Церковь идет только вперед, и ни она сама, ни приходящие к ней не могут вернуться к прежним историческим эпохам, будь то эпоха неразделенной церкви (иллюзия некоторых православных), апостольская эпоха (иллюзия некоторых протестантов), или эпоха Тридентского собора (иллюзия некоторых католиков). Буква не должна восставать на Дух, иначе христианству снова будут грозить смерть и разрушение в отмщение за богопротивное законничество.

Но пойдем дальше по тексту о. Плакиды. Не вполне понятно из чего исходя, но верно, он утверждает далее важную истину, что «верность Традиции не предполагает строгого единообразия между поместными Церквами, но требует, чтобы всякое важное расхождение было представлено соборному суждению, дабы все поместные Церкви взаимно признали друг в друге Церковь Христову» (с. 37). Жаль только, что здесь не совсем ясно, что это за «соборное суждение». Если имеются в виду архиерейские и прочие соборы, то это спорно, поскольку, судя по всему, такая форма проявления соборности Церкви в известной мере себя давно исчерпала. Во всяком случае, она требует новых внутрицерковных механизмов восполнения себя с привлечением всего народа Божьего, который должен иметь полную возможность адекватно выразить свое согласие (консенсус) и принятие (рецепцию) решений того или иного собора (вспомним работы о. Николая Афанасьева и др.).

И вновь мы вынуждены обратиться к критике. О. Плакида далее пишет, что каждой церкви надо быть «готовой оказаться камнем преткновения для того, что ей представляется законным и выгодным для нее, если она рискует оторваться от других Церквей, исповедующих ту же православную веру» (там же). Странно, почему только «законным и выгодным», а не истинным и соответствующим воле Божьей? Иногда ведь надо бывает кому-то сказать и так, как в свое время говорил один из великих святителей: «Кто не со мной, тот и не с Истиной». И победил ведь именно он! Неужели же теперь в нашей церкви ничто не может выйти за рамки закона и выгоды?

Далее у о. Плакиды все идет как по маслу. Имея такие представления о православной церковности, он с удовольствием констатирует, «что главным последствием этого (!) православного (?) понимания церковности оказывается непризнание действительности таинств, полученных в инославных общинах. По праву и всей строгости канонов, членам таких общин, входящим в Церковь, должно быть преподано крещение» (там же). Опять те же закон и выгода. Но именно от них-то и надо бы о. Плакиде отказаться!

И паки и паки далее говорится не о силе благодати и истины, а о силе пастырской икономии, якобы лишь по которой Церковь может дополнить и завершить это (инославное) крещение миропомазанием или даже другим чином принятия в Церковь (там же). Об этом мы уже говорили выше и потому здесь останавливаться не будем. А вот на следующей фразе остановиться придется. Внешне она чиста и благообразна и звучит примиренчески, но в ней сидит большой червь. «Церковь, пишет о.Плакида, есть действительно »таинство таинств"и может восполнить всякий недостаток"(там же). Но ведь надо было точно оговориться, что здесь речь может идти только о Церкви с большой буквы. Иначе мы церковь с малой буквы путаем с Богом и Христом и ей приписываем божественные свойства. Церковь с большой буквы воистину богочеловечна, она не сама по себе, а «Полнота Наполняющего все во всем». Но как именно этого не хватает нашей православной церковной жизни, нашей Православной церкви!

У о.Плакиды нет никакой альтернативы дихотомии: «киприановское или римско-августиновское»учение о действительности таинств у инославных. Он готов терпеть и то, и другое, ссылаясь опять же на св.Киприана, экклезиологии которого он симпатизирует. Правда, на всякий случай, он заранее занимает оборонную позицию, утверждая, что «совершенно напрасно (?) было бы ожидать, чтобы в православной Церкви произошло »развитие"(?), позволяющее считать признание таинств инославных окончательно утвержденным"(с. 38). Но и мы на самом деле не противники «традиционной», в т.ч. «святоотеческой», особенно киприановской экклезиологии, хотя по букве, но не по духу, откровенно расходимся с ней. Во-первых, в Церкви всегда жила и другая, тоже традиционная, но более глубокая экклезиология (например, новозаветная, особенно апостола Павла, и святоотеческая, например, св.Иринея Лионского), избегающая киприановского юридизма и упрощения, а во-вторых, весь ход христианской истории дал возможность накопить в церкви такой опыт, который однозначно требует углубления взятой на вооружение с III и особенно IV века «киприановской»традиции судить о Церкви преимущественно по внешности, формально-юридически и канонически (по праву). Этот опыт все больше требует от Церкви в церкви «различения духов»("вынужденным"шагом в эту сторону и было, например, упоминавшееся уже «икономическое»I-е правило св. Василия Великого, выправлявшее несколько не в ту сторону зашедшую акривию древней церкви).

Отсюда ясно, что происходящее в церкви углубление традиции не «доктринальный прогресс» католических богословов, а возвращение к истокам, отыскание и выбор Церковью в богатстве своего Священного Предания более глубокого пласта в соответствии с усложнившейся ситуацией и духовными потребностями современной церковной жизни. Оно идет лишь против институционально-внешнего понимания Церкви, к сожалению, до сих пор свойственного, главным образом, церковным иерархам и прочим профессиональным священно- и церковнослужителям, нашим главным представителям церковной администрации, как никогда ранее оторванным от самого священного и церковного (мы надеемся быть понятыми правильно, ибо всем должно быть ясно, что говорить горькую правду об иерархии не значит быть против иерархии, тем более что автор этих строк сам имеет к ней некоторое отношение). Идет оно и против современного схоластического «бурсацкого»богословия, в том числе и в Русской православной церкви, объявляющего всех инославных еретиками и требующего иногда перекрещивания даже вполне православных на сегодня армян и т.п. При этом забывают, что и до революции, т.е. в другую, еще «константиновскую»церковную эпоху у нас не перекрещивали не только армян и католиков, но и большинство протестантов (см. «Книгу чинов присоединения»в 2-х частях).

В результате нельзя не прийти к выводу о том, что у о.Плакиды совсем не вселенско-православная, а православно-конфессионалистская и устаревшая точка зрения на единство христиан. У таких, как он, «православных»очевидна одна крайность наивное

отождествление Церкви и церкви и сектантски-одностороннее отношение к неправославным. У описанных же о. Плакидой католиков другая крайность большое стремление к магическому восприятию таинств и юрисдикционно-папистские и юридическо-схоластические тенденции. Зачастую правильно критикуя других, остаются неправы сами критикующие.

Итак, хотя перекрещивать нам почти никого из инославных не следует, но и судить о действительности любых таинств нужно не только формально, а по духу и плодам, и тогда, насколько надо, соответствующим образом «восполнять» таинства, или даже «перекрещивать», но на равных основаниях как «неправославных», так и «православных». Во внутреннем и внешнем экуменическом усилии нашей Православной церкви надо стремиться к тому, чтобы границы Церкви и церкви совпадали, хотя следует знать и помнить, что полное решение этой задачи принадлежит эсхатону. Такое стремление и есть подлинное стремление к христианскому единству. С ним будет связано и «углубление вероучения» (с.39), требующее последовательного исповедания не просто «учения своей Церкви» (там же), а православной веры!

2 апреля 1987 г.

Василий Экземплярский: Старчество

Церковная жизнь

Василий Ильич Экземплярский (1875–7.7.1933) богослов, религиозный публицист, профессор по кафедре нравственного богословия Киевской духовной академии. Бессменный секретарь Киевского религиозно-философского общества. Издатель журнала «Христианская мысль».

Экземплярский стремился вернуться к корням Православия и христианства, к религиозному и творческому горению, к напряженной совестной жизни.

В Киеве помогал создавать церковные братства начала 20х годов, которые противостояли давлению зарождавшегося тоталитаризма на церковную жизнь. Он активно не принял «красное» священство и обновленческую Церковь.

Старчество

Привяжи обремененную ладонь твою к кораблю отцов твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, разум, венец и веселие.

(Преп. Варсанофий Великий)

Предмет моей сегодняшней беседы имеет, повидимому, столь частный интерес, что может легко возникнуть вопрос, почему я останавливаю теперь на нем ваше внимание. Ведь старчество есть некоторый вид монашеского устройства жизни, и потому нетрудно предположить, что для общецерковного сознания этот вопрос о старчестве имеет совсем второстепенное значение. Однако это не совсем так, и вопрос о старчестве хотя бесспорно есть частный и специальный, но в то же время имеет и значительный богословский интерес и несомненно большое жизненное значение для современной русской церковности.

Общецерковное значение монашеской формы жизни, бесспорно, не может отрицать никто, мало-мальски знакомый с историей Церкви. Можно благоговейно чтить монашеский подвиг и можно страстно ненавидеть этот строй жизни, но в том и другом случае нельзя не усвоить

монашеству значения могучего фактора в жизни Церкви и глубочайшего творческого интереса к этой попытке осуществить на земле правду Божьего Царства. И вот, если мы захотим дать себе отчет в сущности монашеской жизни и отношении монашеских обетов к евангельскому идеалу, то мы легко поймем внутренний смысл и жизненное значение обетов нестяжательства и целомудрия, но можем оказаться в очень затруднительном положении, когда попытаемся дать ответ на вопрос о значении третьего и последнего обета послушания. По крайней мере, мне лично в беседах моих о монашестве не только с рядовыми иноками, но и с вождями монашеского жительство на Руси почти всегда приходилось встречаться с такою беспомощностью, что становилась несомненной сложность и трудность точной богословской формулировки в ответе на вопрос о смысле обета послушания. Особенно это касается нашего так называемого, в недавнем прошлом, ученого монашества. Последнее, живя довольно часто вне монастыря, не могло уклончиво ответить ссылкой на послушание игумену. В этом случае один очень ученый монах и отец многих монахов последовательно пришел к утверждению, что в монашестве обет послушания предполагает послушание всем. Этот ответ, абсурдный с точки зрения церковной совести, однако свидетельствует о научной добросовестности и объясняется общей спутанностью понятий об историческом происхождении и мистической сущности обета послушания.

Справку по этому вопросу я и предполагаю предложить теперь. Кому монах обязан послушанием, имеет ли последнее какую-либо внутреннюю основу, чем обуславливается религиозная ценность этого вида подвижничества все это вопросы, для ответа на которые есть достаточно данных в святоотеческих наставлениях о монашеской жизни и в истории последней, и ответы на эти вопросы органически связаны со старчеством в жизни монашества.

Что касается жизненно-практического значения вопроса о старчестве, то он вытекает из очень интересного явления русской церковной жизни. В последнее долгое время, целый ряд столетий, был основательно забыт завет древнецерковного подвижничества о необходимости в монашеской жизни старческого руководства. Возрождение старчества на Руси связывается с именем приснопамятного Паисия Величковского. С того времени прошло более чем полтора столетия. Призыв старца Паисия нашел лишь слабый сочувственный отклик в среде наших монашествующих, и даже в Оптиной пустыни, где процвело русское старчество, все время шла тяжелая внутренняя борьба с этим установлением, ввиду недружелюбного отношения к нему со стороны иерархов и значительной части братии. Но в последние годы замечается все возрастающий интерес к старческому устройению жизни и в русском обществе, и, в особенности, в среде нашей верующей интеллигенции. Понятие «старец» уже вышло из монастырской ограды: о старцах начали говорить и светские люди, и даже старцами почитали не только отдельных иноков и духовников из среды белого духовенства, но и людей мирских. До какого нездорового отношения доходили и доходят порой в этом случае, я думаю, всем известно, в особенности по опыту жизни наших столиц. Мне кажется, что в такие интересные эпохи религиозного углубления, как наша эпоха гонений на христианство, очень важно объективно-историческое освещение этих сторон церковно-религиозной жизни, правильное отношение к которым может содействовать внутреннему росту церковного общества, а неправильное отношение, напротив, может явиться причиной опасных отклонений от прямого церковного пути. Моей задачей и будет определить место старчества в общецерковной перспективе и через это уяснить его подлинно великое значение в жизни Церкви, равно как и предостеречь от возможности ошибочных пониманий подлинной сущности старчества.

Сейчас я попрошу вас перенестись мысленно к первым векам христианства, когда возникла в Церкви монашеская форма жизни, а вместе с нею и старчество. Монашество возникло в Церкви тогда, когда языческий мир, гнавший христианство, обессилел окончательно в этой борьбе и вошел в Церковь не столько покаявшимся в прежних заблуждениях и обретшим

истину, сколько изжившим все прежнее и только ищущим нового. В этом случае старый мир легко отказался от того, что потеряло уже жизненное значение для него, как, например, от своего антропоморфического политеизма и богослужебного культа. Это потому, во-первых, что вера отцов уже частью ослабела и частью была совсем брошена, а затем и потому, что на место прежней веры пришла новая и превосходнейшая, с определенным учением о Боге и Его отношении к миру и с новым прекрасным богослужебным культом. Другое дело в области государственного строительства, материальной и духовной культуры и народного быта. Здесь далеко еще не все было изжито, а главное, христианство вошло в мир как религия духа и свободы. Евангелие Иисуса Христа давало миру не какие-либо новые формы личной и общественной жизни, которыми можно было бы заменить прежние формы устройства государственного и домашнего быта, но Евангелие возвестило миру высочайший идеал жизни в общении с Богом, предоставляя создание форм жизни свободному творчеству христианского духа. И если ко времени победы христианства над языческим миром уже достаточно определились некоторые формы жизни, как, например, христианская семья, личное, нормальное поведение; в отдельных случаях — отношение к миру и его благам, то почти незатронутой осталась вся область государственного строительства; были лишь начатки христианской философии; не было, можно сказать, и следа христианского искусства. Напротив, с точки зрения христианского идеала, все главные устои древнего мира должны были быть осуждены. Так, например, чужд евангельскому духу был весь тогдашний строй государственной жизни, как, впрочем, таким он остается и до наших дней. Евангелие со своим заветом непротивления злу, проповедью вселенской любви, запрещением клятвы, убийства, со своим осуждением богатства и т. д. все эти заветы, если бы были даже осуществлены в жизни, должны были повести к крушению империи. Без армии, без узаконенного принуждения в государственной жизни, без штыков, без судов, без забот о завтрашнем дне государство не может и дня просуществовать. Не менее велик был разлад и между Евангелием и человеческим сердцем самого доброго язычника. Все отдать, всем пожертвовать, возненавидеть свою жизнь в мире, распяться со Христом, отказаться от всей почти культуры, созданной веками, все это было неизмеримо труднее, чем поклониться новому Богу, все это должно было казаться безумием, а не светом жизни. Здесь источник такого отношения к евангельскому идеалу жизни в истории христианского общества, когда евангельский идеал был сознательно или бессознательно отнесен в бесконечную высь неба, а от новой религии потребовала жизнь самого решительного компромисса, вплоть до освящения всех почти форм языческого быта, совершенно независимо от их соответствия духу и букве Евангелия. И большинство церковного общества, в том числе и папства, пошло по линии наименьшего сопротивления. Лучшие пастыри, правда, мужественно стояли на страже чистоты евангельского идеала. Они дерзновенно обличали все неправды жизни. Но последняя шла по своему руслу, и христианский народ, слушая вдохновенные обличительные слова своих вождей, рукоплескал им в храмах, но вне этих храмов жизнь шла по обычаю мира сего. И велик, бесконечно велик был разлад между словом и делом, идеалом и жизнью, Богом и миром. Сегодня я не буду останавливаться на оценке этого факта мировой истории. Сделаю это, надеюсь, в другой раз, теперь лишь скажу, что такой факт был не только исторической необходимостью, но и религиозной естественностью.

Теперь же от этого большинства обращаемся к меньшинству евангельских безумцев, которые не захотели плыть по течению и сообразоваться с веком сим. Когда они увидели, что верность заветам Евангелия и служение Христу нельзя совместить с жизнью по законам этого мира, то презрели мир до конца и всю свою жизнь посвятили исканию Царства Божия и правды Его на земле. Таковы и были первые монахи.

Монах означает одинокий, не только в смысле внешнем, как и русское слово «инок» указывает на новый, сравнительно с другими, образ жизни. Такими и явились первые пустынножители.

Они ушли преимущественно из шумных городов в тишину пустыни, прежде всего Египетской. Первоначальный пафос монашества сосредоточивался на отрицательной стороне презрения мира и отвержении начал языческой культуры. Пустыня давала возможность устроить свою внешнюю и внутреннюю жизнь по голосу совести, согласно заповедям Евангелия. Мне лично не известно ни об одном из первых подвижников, чтобы он, удаляясь в пустыню, думал о создании там новых форм христианской культуры и христианского общежития. Сама жизнь впоследствии потребовала такого творчества, и последнее, таким образом, развивалось не в теории, не в отвлеченном мышлении о судьбах Церкви, но вся эта аскетическая культура развилась из самой жизни. Последняя выдвинула, в частности, очень скоро по возникновении монашества и необходимость старческого руководства в жизни новоначальных иноков.

Первоначальное монашество выразилось, естественно, в форме анахоретства, или отшельничества. Удалившийся от мира прежде всего искал уединения и, в бытовом смысле, таких условий жизни, которые бы обеспечивали возможность существования. Так, например, анахореты, жившие вблизи Нила, плели корзины из тростника, другие плели веревки и т.д., а свою работу изредка носили продавать в город, где покупали хлеб, семена и все немногое, необходимое для жизни. В жизнеописаниях подвижников мы встречаем повествования об анахоретах, не видавших десятки лет человеческого лица. Но по мере того как число отшельников увеличивалось, встречи их становились не только более частыми, но и более необходимыми. Это в особенности благодаря тому, что жить в пустыне можно было далеко не повсеместно, но лишь по берегам рек и вблизи оазисов. Но были и особые, чисто духовные причины для того, чтобы встречи новых анахоретов с прежними получили совершенно особенный религиозно-серьезный характер. Слава о великих подвигах отдельных анахоретов быстро распространялась по вселенной, и новые подвижники, естественно, старались прийти в возможно тесное соприкосновение с ними, чтобы в их опытности почерпнуть руководящие указания для себя. Многие знаменитые отшельники, возлюбившие свое уединение и возненавидевшие славу человеческую, всячески старались сохранить свою духовную независимость и удалялись во внутреннюю Египетскую пустыню все глубже и глубже, все дальше от человеческого жилья. Но за ними шел и народ, не просто шел, но даже бежал в собственном смысле слова, как, например, за великим Арсением, у которого были особенно важные религиозные мотивы «бегать от людей». Но и самые опытные подвижники не могли не сознавать, что новоначальные иноки имели право на братскую помощь. И самые великие подвижники испытали много искушений и страданий, прежде чем могли достигнуть мира и покоя души. А знаменитые пустынножители не могли не знать того, о чем и до настоящего времени говорит история монашества: не все выходили победителями из тяжелой и напряженной внутренней борьбы. Многие падали под бременем соблазна и искушений, многие изнемогали от неумения разобраться в собственных духовных переживаниях. И поскольку всегда и неизменно истинное подвижническое величие соединялось с самою глубокою горячею любовью, постольку последняя побеждала всякую мысль о себе самих и осуществлении своих желаний, но шла навстречу сердцам, ищущим любви и руководства. «Тот монах, кто смотрит на спасение ближнего, как на свое собственное». Такой девиз, сохраненный в писаниях очень многих подвижников, дошел до нас из глубокой древности. И из таких духовных настроений и потребностей родилось в Египетской пустыне старчество, органически связанное с проведением обета послушания.

Если встречи египетских подвижников с новоприбывшими не носили случайного характера, когда они могли легко и расстаться, но являлись началом взаимной любви и стремления к взаимному общению, то новоприбывший или устраивал по соседству келию себе, или же поселялся вдвоем или втроем с опытнейшим подвижником в одной келии. В том и другом случае выступает старческое руководство, или, как тогда говорили, старческое окормление. В первом случае, когда мы встречаемся с группой иноков, живущих каждый в своей отдельной

келии, мы имеем дело еще с отшельничеством. Келии иногда устраивались на значительном расстоянии друг от друга. Отшельники пользовались полной внутренней свободой, не часто и встречались друг с другом, но и в этом случае выделялись своей высокой жизнью и духовной опытностью некоторые анахореты, которые для других являлись духовными центрами и руководителями. Они назывались «отцами», «аввами» или «старцами», «пресвитерами». Монашеское пресвитерство в этом случае не указывало на иерархическое достоинство, и первоначально старцы не были обычно священниками. Эти аввы-старцы имели исключительно нравственный авторитет, и отношения между ними и другими иноками определялись не какими-либо уставами, но духовными потребностями иноков. Они встречались со своими аввами по мере духовной своей потребности, изредка посещали и других чтимых подвижников, хотя все-таки руководящее значение принадлежало одному старцу. Последний выступает в этом случае уже с характерными чертами старческого авторитета, хотя все же не надо забывать, что анахореты пользовались очень большой свободой в своей внутренней и внешней жизни.

С большею рельефностью выступает старчество в скитских монастырях. Я уже сказал, что не всегда новоначальные иноки поселялись отдельно в пустыне, изредка они отдавались в полное послушание опытному подвижнику, с которым и поселялись вместе в одной келии. Новоначальный иннок в этом случае, во избежание опасности неправильного устройства своей жизни, нуждался в помощи на пути подвижничества, добровольно отказывался от своей воли и связывал себя обещанием совершенно полного послушания своему старцу и духовному отцу. Ниже мы увидим, до каких пределов простиралось это послушание. Пока лишь скажу, что послушник или духовный сын должен был исповедовать своему старцу ежедневно или даже несколько раз в день все свои помыслы, ни одного шага не делать без ведома аввы и смотреть на распоряжения последнего как на заповедь Самого Бога. Конечно, и ученик через известный период ученичества сам мог явиться аввой и старцем, но все-таки этим не прекращаются отношения ученичества к первому авве, хотя, конечно, эти отношения несколько менялись, и трогательно бывает читать о величайшем благоговейном послушничестве самых уважаемых и знаменитых старцев своим духовным отцам и о великой скорби, когда последние отходили к Богу своему и оставляли своего ученика-старца без духовного окормления. Для ясности дела еще раз подчеркиваю, что старец как духовный отец не был священнослужителем и духовником в современном смысле этого слова, совершавшим отпущение грехов в таинстве исповеди. Исповедование помыслов старцу носило не таинственный, но нравственный характер, хотя также имело глубокое мистическое значение, и в отношении учеников старцу усвоилась власть вязать и решать. Соединение нескольких или даже многих келий, в которых совместно жили несколько подвижников, обыкновенно два или три, называлось скитом, почему и эта форма подвижничества носит наименование скитской. Устроителем ее в Египетской пустыне был преподобный Макарий Скитский, он же Великий и Египетский. Основателем отшельничества справедливо почитается преп. Антоний Великий. Во главе скита стоял обыкновенно тоже авва, который имел значение общего отца-руководителя в скиту с громадным нравственным авторитетом, но еще также без писанного устава и соединенных с ним точных определений прав и обязанностей насельников скита. Наставления преп. Макария лучше всего указывают на характер отношений аввы и прочих иноков, чуждый всякой формальности и регистрации. Как видим, в скитском жительстве значение старчества выступает во всей чистоте и полноте. Поэтому почти все, что будет мною отмечено далее для характеристики старчества, будет опираться главным образом на опыт скитских общин или таких киновий общежительных монастырей, в которых сохранилось келиотское жительство, характерное для скита.

Третьим типом монашеского устройства была киновия, или общежитие. Организация этой формы монашеского устройства, как известно, принадлежит Пахомию Великому, который

одновременно явился и лицом, составившим первый устав монастырской жизни в собственном смысле слова. Основные начала устава легли в основу всех других последующих уставов.

Если поставить вопрос о внутреннем соотношении между старчеством и киновией, то нужно сказать, что хотя по существу старчество не только не исключается, но и необходимо предполагается общежительною формою монашеской жизни, в последней, однако, были такие стороны, которые очень неблагоприятно отражались на процветании в киновиях старчества в том смысле свободного духовного руководства, о каком была речь до сих пор. Обет послушания осуществлялся в общежительных монастырях в виде беспрекословного послушания игумену. Конечно, игумен напоминал скитского духовного отца тем, что был свободно выбираем братиею, и, конечно, являлся носителем духовного авторитета. Но о прежних отеческих, в собственном смысле слова, отношениях между игуменом и монахами могла быть речь главным образом только в теории, в сердечных намерениях, но не в действительной жизни. Игумен стоит во главе всех сторон монастырской жизни, причем в монастырях существовало сложное хозяйство, и, главное, в киновиях было очень много насельников. Конечно, у игумена были помощники по различным отраслям монастырской жизни, но все-таки общее руководство и ответственность лежали на игумене, и очень нередко выборы настоятеля определялись не одними только соображениями духовной опытности, но и административно-хозяйственными дарованиями кандидата в игумены. Притом же, ввиду этой занятости последнего и значительного числа монашествующих, было уже совершенно невозможно не только каждый день исповедовать игумену свои помыслы, но нередко нельзя было мечтать об индивидуальном подходе игумена к душе каждого инока. Поэтому и в уставах игумен выступает по преимуществу как начальник, распоряжения которого должны строжайше выполняться, а не как духовник, отец, влияние которого утверждается на самых близких, интимных, духовных отношениях. Поэтому и самый термин «послушание», который в отношениях ученика к старцу характеризовал всю жизнь первого, в киновийных уставах, особенно позднейших, уже применяется не к воле только инока, но и прежде всего к роду его работы в общежитии, как-то: клиросное послушание, послушание по различным отраслям хозяйской и храмовой жизни и т. д. Но естественно, что в монастырях не могла оставаться в пренебрежении духовная сторона жизни, и в киновиях мы тоже встречаем духовных отцов. Я сказал уже, что у игумена были помощники по различным отраслям монастырской жизни: благочинный, эконом, келарь и т. д. Духовные отцы в киновиях и являлись помощниками игумену в деле монашеского окормления новоначальных иноков. Нередко в общежительных монастырях духовные отцы сохраняли все свое значение. Но вообще это было уже не так, как прежде. Вся монастырская жизнь определялась чуть ли не во всех деталях уставом и обычаем. Поэтому не могло быть и речи о той свободе духовного отца в деле его учительства, какую мы находили в келиотстве и отшельничестве. Духовный отец в киновиях был в этом случае чрезвычайно связан уставом и общежитием, когда во избежание соблазна для других, не посвященных в тайну его отношений к ученику, нельзя было повелевать послушнику чего-либо выходящего за границы устава и обычной практики.

Затем почти совершенно не считались с правом свободного выбора новоначальными иноками духовного отца, что лежало в основе скитского и отшельнического старчества. Правда, из истории общежительных монастырей мы узнаём, что в них нередко избирали духовников наряду с другими должностными лицами. Но эти выборы совершались всеми братьями, которые выбирали не старцев в собственном смысле этого термина, а духовников совершителей таинства исповеди в пресвитерском сане. Не говорю уже о чисто случайных сторонах дела и общечеловеческой ограниченности и слабости, как, например, о возможной недоброжелательной ревности игумена к славе и успехам в делании духовного отца монастырского старца. Вообще мое мнение такое, что в общежительных монастырях старчество по необходимости должно было клониться к упадку или же встречать совершенно

исключительные обстоятельства и настроения, которые бы поддерживали старца на должной высоте. И нужно сказать, что в истории мы встречаем и то и другое. Первое «падение» старчества после сказанного ясно само по себе. Действительно, в общежительных монастырях старчество все более и более отступало на второй план. Но были исторические обстоятельства, очень сильно способствовавшие сохранению традиций старчества.

Нередко теперь приходится слышать не только упреки монастырям за то, что они, оставив пустыни, перешли в города, но и самые искренние недоумения по этому поводу. Исторически, однако, это понятно. Эпоха возникновения монашества совпала с периодом наступления на восточные и южные границы Империи ее врагов. Уже в IV и V столетиях иноки страшно страдали от нападения кочевников и разных бродяжнических групп. Чем дальше, тем жизнь иноков становилась труднее и труднее: скиты разрушались, монахи избивались или уходили в города под защиту военной силы. Империя постепенно теряла целые области, и при тогдашней религиозной нетерпимости, особенно с эпохи Магомета, волей-неволей монастыри должны были переселяться в города или вообще в культурные местности и сменить тишину пустыни на монастырские ограды из камня и обычаев жизни, которые делали монастыри в городах оазисами среди духовного бесплодия, грубости. Такое переселение монастырей должно было отразиться и действительно отразилось на устоях монастырской жизни, в особенности на неизбежном прекращении отшельничества и ограничении скитского жительствова. Преобладали, естественно, киновии, хотя продолжали существовать и лавры как вид скитского общежития, т.е. такого, где в келии жило по 2-3 насельника и была возможность существования строго-старческого окормления. Это случилось потому, что отшельники и скитяне, даже переселяясь в город и размещаясь в киновиях, не могли и не хотели отказаться от дорогих их сердцу традиций пустынножительства и со всею горячностью стремились удержать старческое устройство и в киновиях. В этом случае особенное значение имеет до наших дней Афонское монашество, сохранившее до самых последних дней все виды и формы монастырского устройства. Здесь мы имеем и прекрасно организованные общежития, и отшельничество, и келиотство со старческим устройением. Здесь же всегда процветали и анахореты, душа которых требовала одиночества. Были здесь и бездомные монахи. Словом, Афон представлял собою с начала всей своей истории такую удобную почву для старческой культуры, что по справедливости может считаться преемником в этом отношении славы и традиций Египетской пустыни. Громадное влияние Афон оказал и на русское наше иночество, в частности на возрождение в нем старчества.

Я не буду делать экскурсов в историю нашего русского иночества и излагать различные теории о процветании или отсутствии старчества у нас в древности. Еще раз напоминаю только, что теперь для нашего монашества со всею определенностью поставлен вопрос о старчестве и его значении для иноческой жизни. Господствуют пока у нас, бесспорно, традиции общежительных монастырей, неблагоприятные для старчества. Но все же и последнее пробивает себе путь, привлекает симпатии монахов и борется не без успеха за свое религиозное право на существование. Потому я и назвал вопрос о старческом устройении обители важным, и от такого или иного решения этого вопроса в жизни во многом будет зависеть дальнейшее развитие нашего монашества, если, конечно, это развитие временно не будет подавлено внешними условиями быта. Отсюда интересно и важно иметь исторически правильный взгляд на старчество, виды старческого окормления и вообще его идеологию. Естественно, что только поняв последнюю, можно будет сознательно отнестись к возрождению старчества у нас на Руси и оценить его принципиально как положительное или отрицательное явление в монастырской жизни. Теперь я и приступаю к исполнению своей задачи, и понятно после сказанного, что мне придется для этого обратиться к первому периоду монашества Египетской пустыни, и в особенности к истории отшельничества и келиотства.

Как я сказал, сущность старчества определяется как совершенное послушание ученика своему старцу. Монашеские наставления многого требуют от старца в его отношении к ученику, как увидим ниже, и духовной рассудительности, и любви, и личной добродетели. От ученика же всегда и безусловно требуется лишь одно совершенное послушание старцу с откровенным исповеданием помыслов ежедневно, если даже не ежечасно. В этом случае все христианское совершенство и монашеское преуспеяние усилием воли ученика вводится на время в узкое русло совершенного послушания как всецелого отвержения своей воли, своего разумения добра и зла, своих привычных оценок жизни вообще. «Послушание есть совершенное отрешение от своей души, действиями телесными показуемое; или, наоборот, послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих.» Подобные же определения сущности человеческого послушания встречаем мы и у всех других подвижников древности. Так, например, преп. Симеон Новый Богослов говорит: «Кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнью и творить волю свою, умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего». По словам преп. Иоанна Лествичника, «послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения» ("Лествица", Слово 4е, №3). «Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его. Послушание есть отложение рассуждения...». Эти общие суждения о пути послушания иллюстрировались в древнеаскетической письменности многими яркими примерами. Подвижники, в особенности же позднейшие, любили останавливаться мыслью на примерах самого искреннего и совершеннейшего послушания в назидание новоначальным монахам. Так, преп. Иоанн Кассиан, бывший не только известным подвижником, но и тщательно изучивший и наблюдавший жизнь египетских монахов и стремившийся насадить тамошние порядки и обычаи в других местах, с особенною любовью приводит повествование о совершенном послушании учеников вплоть до полного отречения не только от своей воли, но и от всего своего разума и от своей совести. [...] здесь послушание определялось совершенным самоотречением ученика, отказом от всякой попытки оценивать свою работу и свое делание по обычным человеческим нормам. Древние патерики приводят в этом случае интересные и трогательные в своей простоте примеры одного деревца, которое делалось центром приложения всех сил ученика. Так, о преп. Иоанне Колове рассказывается: «Удалившись в скит к одному фессалийскому старцу, он жил в пустыне. Авва взял сухое дерево, посадил и сказал ему: »Каждый день поливай сие дерево кружкой воды, пока не принесет плода". Вода была далеко от них, так что Иоанн уходил с вечера за нею и возвращался к утру. После трех лет дерево ожило и принесло плод. Старец, взяв с него плод, принес в собрание братии и сказал братии: «Возьмите, ешьте плод послушания». И, конечно, сущность дела здесь не в этих великих плодах послушания, ибо за три года можно было вырастить при таких трудах целый сад. Здесь имелась в виду, несомненно, какая-то внешняя занятость души подвижника и даже более того, занятость всех его психо-физических сил. И рассказ о дереве встречается не раз в древних патериках и при том уже без утешительного в широком смысле конца, относящегося к плодам послушания. [...]

И в монашестве свободному подвижничеству предшествует этот период совершенного самоотречения в форме послушания своему духовному отцу ради подлинной свободы духа. Ученик отсекает свою волю, свой разум и самое свое сердце, чтобы всю свою душу и тело представить в жертву Богу на служение Царству. Начинается путь ученика со свободного акта избрания духовного отца, когда человек решается вступить на путь спасения, сознавая себя не только не достигшим совершенства, но и вовсе не способным своими силами идти к нему. Когда авву Арсения, известного своим умом и образованностью, с удивлением спрашивали

знавшие его раньше, чему он мог учиться у египетских простецов, то Арсений отвечал: «Римское и греческое учение я знаю, но азбуки этого простолоудина еще не выучил». И подобное сознание своей духовной неопытности и неведения всегда лежало в основе искания учеником старца. «Если кто не позаботится наперед, говорит преп.Симеон Новый Богослов, долгим молением с милостыней, постом и бдением, познать себя самого и свою немощь, то он не может познать и того, что без духовного отца, руководителя и учителя нельзя человеку соблюсти, как должно, заповеди Божии, жить вполне добродетельно и не быть уловленному сетью диавольскими. Тот человек, который, презрев все земное и самую жизнь свою, желает приступить к совершению истинного покаяния по заповеди Христовой, будучи уверен, что сам по себе не может, как должно, совершить сие спасительное дело, пусть взывает опытного отца духовного и, нашедши, припадет к нему со страхом и трепетом, слушая его во всем, что он ни скажет ему, со всем вниманием. Благо сыну с духовным отцом при содействии Св.Духа бороться против прежних пристрастий. Кто отнимает путеводаителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля, тот всех их подвергает опасности погибнуть, а кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен.»Справедливость последних слов нередко подтверждалась грустным опытом самочинного подвижничества. Св.Иоанн Кассиан, например, рассказывает о старце Ироне, который 50 лет провел в посте, трудах, бдениях и молитве, удивлял всех строгостью подвига, но после, когда он возомнил остаться один со своим разумом и волею, принял сатану за Ангела и по наущению бросился в пустой колодезь в надежде, что ангелы его возьмут на руках своих, и разбился так, что на третий день, по его извлечении из колодца, скончался. Св.Кассиан же упоминает еще об одном муже, как принимал он откровение от беса, свет в келии видел и научен был принести в жертву сына, что, впрочем, не случилось. Итак, долг каждого, начинавшего путь монашеской жизни, состоял прежде всего в том, чтобы найти учителя-старца. И это искание составляло предмет особой заботы ученика, требовало нередко значительных усилий с его стороны, искренней молитвы о Божьей помощи в деле искания старца себе. «Когда мы, пишет Иоанн Лествичник, в намерении и разуме смиренномудрия, желаем покорить себя ради Господа и без сомнения верить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь пронизательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искушать сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани в пучину, и, таким образом, не найти готовой гибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения»("Лествица", Слово 4, № 6). «Надлежит нам, наставляет преп.Симеон Новый Богослов, со всем усердием, тщанием и вниманием, со всей убедительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа и точно знал бы учение, правила Самого Владыки и Учителя Апостолов Христа. Такого учителя надлежит нам разыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был Духом через деяния и опыт. Если взыщем, конечно, и найдем». «Часто и со всем усердием, поучает тот же преп.Симеон Новый Богослов, моли Бога показать тебе человека, могущего добре поруководить тебя; и кого укажет тебе Бог, тайно ли, действием благодати Своей, или явно, через какого-нибудь раба Своего, иди к нему и, имея благоговейство перед ним, смотри на него, как на Самого Христа. Ибо так имеешь ты долг слушаться и его, чтобы поучиться достоудному. И смотри, что он ни скажет тебе, исполняй то без колебания, хотя бы то, что он прикажет тебе, казалось не совсем уместным и полезным. Лучше тебе быть и именоваться учеником ученика, нежели проводить жизнь своевольно и собирать бесполезные плоды своей воли.»

Преп.Иоанн Лествичник дает частные советы новоначальным инокам. «По качествам страстей наших, говорит он, должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых, и по праву и местопребыванию своему приличных нашим недугам.»Каждый нашедший старца мог считать себя счастливым, но зато с этого мгновения начинается совсем особенный период ученической жизни, о которой с величайшей любовью вспоминали все величайшие подвижники и который для многих из них продолжался всю их жизнь, когда сами они уже становились отцами и руководителями для других новоначальных иноков.

Скажу сначала об этом самоотреченном ученическом послушании. Так как источным началом всех соблазнов и грехов является самолюбие и самоутверждение личности вне сыновней ее связи с Богом, то на борьбу с этой самостью и направлялись всегда главные усилия подвижников, и поскольку наша воля всегда является носительницей и выразительницей этой самости, настолько и весь подвиг ученика всегда начинается и вращается вокруг отказа от своей воли. В этом случае особенно ярки и решительны утверждения всех подвижников, когда новоначальный иннок должен был за дверями келии оставить свою волю и начать свободным изволением новую жизнь беспрекословного послушания воле старца своего. [...] Преп.Иоанн Лествичник, говоря о том мгновении, когда ученик находит достойных учителей и наставников, призывает ученика приступить к этим духовным руководителям с совершенным отречением от своей воли. «Приступи к ним и продайся за злато смирения, на хартии послушания, и при свидетелях Ангелах раздери пред ними хартию своей воли. Ибо если будешь только скитаться туда и сюда, то потеряешь искупление, то, которым Христос тебя искупил. Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба: никто не выходит из гроба прежде общего воскресения, а если некоторые и вышли, то знай, что они умерли. Будем молиться Господу, чтоб и нам от сего не пострадать. »Кто истинный ученик,- говорит преп.Симеон Новый Богослов,- тот пребывает послушным своему авве во всем до смерти, и все, что ни делает его авва, он обращает себе в назидание, не смея рассуждать о повелеваемом ему или сказать: зачем это? для чего это? Иначе он был бы не учеником аввы, но судьей". [...] Это послушание воле старца имело, таким образом, как видим, абсолютное значение, и оно распространялось не только на исполнение определенных требований старца, но и на самое разумение Божьей правды, на самую жизнь нашей совести. В древнем патерике передается интересная беседа старца с его учеником: «Один брат сказал некоему великому старцу: »Авва! Мне бы хотелось найти старца по воле моей и жить с ним". Старец отвечал на это: «Хорошо желание твое, владыко мой». Брат, не поняв слов старца, подумал, что старец признал мнение его правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: «Так-то! Если найдешь старца, соответствующего воле твоей, то намереваешься жить с ним? Значит, желаешь не того, чтоб тебе последовать воле старца твоего, но чтоб старец последовал воле твоей, и в этом надеешься найти преуспевание?»Тогда брат понял свою ошибку и, встав, пал в ноги старцу, принося покаяние и говоря: «Прости меня! Я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в словах моих, ни в мысли». В этом случае древние подвижники совершенно отрицательно относились ко всякого рода самовольному подвижничеству, т.е. такому, которое не утверждается на руководящих указаниях старца-отца. «Если увидишь,- образно, ярко говорит Иоанн Колов, юного, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось вниз». Полезнее со смирением вопрошать, нежели идти со своеволием, ибо Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать ради смирения и правоты сердца вопрошающего. И в своем послушании ученик должен был всецело довериться

руководству старца: «Если ты бываешь в послушании, – говорит авва Дорофей, то никогда не верь своему сердцу, ибо оно ослепляется пристрастиями ветхого человека. Ни в чем не следуй своему рассуждению и сам ничего не назначай себе без вопрошения и совета. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее твоего наставника, и не исследывай дел его, иначе ты часто можешь обмануться и впасть в искушение.»Знаю я,- говорит преп.- Феодор Студит, послушническое иго, знаю болезненность отсечения воли, но опять ведаю и сладость такой жизни; по отсечении воли путь легок, и спасение удобно; стоит только отсечь волю, и явится покойная и блаженная жизнь". По словам Иоанна Лествичника, тот, «кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно, как сна, или лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ». Может быть, этим именно более всего объясняется то замечательное явление в области старческого окормления, что многие подвижники, даже приобретшие большую духовную опытность, до конца жизни пребывали в смиренном состоянии послушания.

Ученик мог иметь на своей нравственной ответственности лишь один грех_ непослушания и скрытности от своего духовного отца. Я не знаю другого падения монаха,_ говорит авва Дорофей, кроме того, когда он верит своему сердцу. В случае же совершенного послушания и откровенности вся нравственная ответственность за ученика лежит на его старце. «Если соблюдаешь заповедь мою, лучше сказать Божию, говорит преп.Симеон Новый Богослов, свидетельствую, что я дам за тебя ответ в тот день, в который Бог судит тайны человеческие. Если же в одном отсекаешь свою волю, а в другом нет, то явно, что и в том, в чем ты ее отсекаешь, ты имел другую свою же волю. Ибо повинующийся повинуетя во всем, и такой не заботится о своем спасении, потому что за него отвечает другой, тот, которому он предал себя в повиновение и вверил себя. Итак, если хочешь спастись и жив быть на небе и на земле, то сохрани сие, и я буду отвечать за тебя, брат, если же будешь нерадив, то смотри сам. Не теряй надежды, ибо радость это диаволу. И свидетель мне Отец, Сын и Святой Дух, что я принимаю на себя все попечение о тебе перед Ним, и с меня взыщет Бог кровь твою, если не нарушишь слов моихПолный текст очерка опубликован в книге »Христианская Россия. XX век. Вып. 1. Дар ученичества". Изд-во «Гнозис».

(Текст подготовлен П. Г. Проценко)

Окончание в следующем номере)

Сергей Бычков: Православные братства

Церковная жизнь

Вестник. Р.Х.Д. Париж, 1980. №131 (Статья опубликована под псевдонимом Н.Шеметов).

(1917 - 1945 гг.)

Братству апостола и евангелиста Иоанна Богослова, вдохновившему меня на эту работу, посвящаю.

С первых веков известны погребальные братства. Регистрируясь как погребальные сообщества, они получили во владение катакомбы, а также возможность полулегального существования. Катакомбы служили римским первохристианам храмами. Позже, по мере укрепления христианства возводятся во всех уголках экумены храмы, все четче век от века начинают вырисовываться институционные формы Церкви. Так возникает приход община вокруг

епископа, собранная в храме. Фундаментом прихода является община люди, призванные Христом, объединенные единой верой и строящие жизнь по заветам Бога.

В институциональный период община часто вытеснялась приходом, который с IV века становился подчас административным понятием. Христиан объединял храм и в нем совершавшееся богослужение. Покидая храм, люди разбредались, теряя друг друга, но их объединял внешний фактор: стены храма. Даже находясь в храме во время служения Евхаристии, христиане не становились «единым сердцем, едиными устами». Да и сама Литургия, отчуждаясь, уходя за иконостас, становилась малопонятным театральным действием. Подобное общение было поверхностным, безличностным.

Этим отчасти объясняется уход лучших в пустыню в IVV веках. Там вновь возрождается община. Порой отсутствует храм и даже предстоятель, но явственно присутствует среди пустынников Христос и Его Божественная любовь. Это и Тавенисси, и много позже братство св. Франциска, и Киево-Печерская обитель. Людей не удовлетворяет отчужденное богослужение. Они испытывают острую нужду в подлинном межличностном общении. Идеал жаждущих христиан апостольская община вокруг Христа, Его семья, которую Он любовно пестует. Взаимоотношения между членами общины строятся на основе взаимной любви.

Как только вторгается насилие, кто-то один решает властвовать община разрушается. Это не означает, что в общине все равны. Обязательно должен быть стержень. Обычно им становится человек, обладающий большими знаниями, большим духовным опытом. Но он, по примеру Христа, должен служить общине тогда она крепнет и духовно растет.

Не стоит мечтать, воображая себе общину безгрешной. Если в первоапостольской общине были нестроения, то более поздние общины подвержены греху, может быть, в большей степени. Суть в том, что община побеждает грех на пути ко Христу. Настает час, когда она являет себя миру, становится солью, консервирующей разлагающийся мир. «... Лишь совместное осуществление апостольского подвига являет миру, раздираемому страстями и соблазнами, несокрушимое единство Церкви Христовой». <Устав братства ап. св. Иоанна Богослова.>

Само по себе безличностное общение сродни стадности. Безличностная общность лишена сопротивляемости она дробима. Подпадая под власть злой воли, легко управляется. Именно этим объясняется, почему так успешно «внешние» манипулируют РПЦ на протяжении почти полувека.

В жизни Церкви личность, свободно ведомая Богом, часто обретает единственно верный путь не только для себя, но и для всего церковного народа. Трудно осознать, как много может сделать человек, живущий по заветам Христа, являющийся «соратником» Богу. Достаточно вспомнить св. Афанасия Великого, св. Василия Великого, св. Максима Исповедника. В противостоянии большинству они явились выразителями высшей Истины. Но личность не вырастает в стаде. В подлинном межличностном общении, учась и подражая духовным учителям, формируется личность.

Массовое появление межличностных общин на Западе в наши дни не является признаком католического модернизма. Задолго до II Ватиканского собора повсеместно начали возникать христианские содружества. Миряне являли миру образцы личной святости. Наиболее известные из них братства Фоколарини, Шарля Фуко, матери Терезы Калькутской.

В первые годы советской власти прозвучал призыв патриарха Тихона: «Не теряйте же времени, собирайте вокруг себя стадо, по одному, по два, собирайте их на пастырские беседы. Отбирайте сначала лучших людей. Не пренебрегайте беседами с благочестивыми женщинами,

которые часто удерживают своих мужей и братьев от безумных поступков и защищают Церковь Божию. Составляйте из благонамеренных прихожан братства, советы что найдете полезным по местным условиям...<Церковные ведомости. 1918 г. № 5.>

Братства возникали по всей стране, как и двести лет назад, на рубеже XVII и XVIII столетий на Западной Украине. Общины росли, крепили, подчас без епископов, лишённые священников, но твердые в вере, активные, жизнеспособные, давшие России немало мучеников и исповедников. После вековой греховной спячки пробуждалась христианская Россия. Возрождалась община. Братства не упраздняли приходов там, где они продолжали существовать. Они восполняли недостатки прихода. Из прихожан священник отбирал будущих братчиков. Братства, чтобы выжить, по примеру апостольской общины, были немногочисленны и замкнуты.

В этом небольшом исследовании я хочу рассказать о нескольких братствах. Их формирование относится к 20-м годам. Киевское братство «Воскресения Христова» было основано 6 декабря 1917 года. Его председателем был избран псаломщик Василий Николаевич Попов. Вероятно, это было одно из первых обществ, организованных сразу после захвата власти большевиками. Сохранился дневник В.Попова, который велся им скрупулезно и регулярно. К сожалению, до нас дошла лишь одна тетрадь, охватывающая период с 17 июля 1920 г. до 20 февраля 1921 г. В тетради сохранилась записка следователя, из которой можно заключить, что Попов был арестован 3 февраля 1921 г.

Небесным покровителем братства «Воскресения Христова» считался св. Николай Мирликийский. Братчики регулярно проводили в большие праздники крестные ходы как в пределах города, так в близлежащие монастыри, собирались на чтение акафистов. Вне храма братчики собирались на чаепития, хозяйственные заготовки, поскольку братство владело большими садами, зимой же ездили за город на заготовку дров. За четыре года советской власти быт братчиков почти не изменился царствовал патриархальный уклад, изрядно стесненный хаосом гражданской войны, голодом и разрухой. Иногда Василий Николаевич ссорился с батюшками (хозяином храма считалось братство, а священники лишь ставленниками братства), когда поучал их.

Восприятие жизни, несмотря на происходившие вокруг коренные изменения, почти не изменилось. Красочно описывает повседневный быт Попов. (Прочность патриархального быта ярко обрисовал М.Булгаков в «Белой гвардии», описывая годы гражданской войны в Киеве.) Установившиеся порядки он почитает временными и с неослабевающей надеждой ждет вот-вот придут немцы, поляки или белые. Главное, что большевики вскоре исчезнут: «А большевики, слава Богу, опять уходят из Киева, и, видимо, навсегда. Не позднее 1 октября, а может быть, через 3-4 дня, придут поляки и, говорят, вместе с ними - немцы и французы. Поживем, увидим». Далее: «А большевички, очевидно, остаются и зиму в Киеве, что весьма неприятно, поскольку начались обыски, а вернее, грабежи. Забирают всю теплую одежду, обувь и белье. Твори Бог волю Свою!» (Ноябрь 1920 г.). Слухи полнят его сердце надеждами: «Только лишь вчера узнал о подробностях октябрьского восстания в Москве против Советской власти. Говорят, еще на один бы час запоздали советские войска на помощь, то повстанцы, взяв Кремль, перебили бы совет комиссаров. Но подошли латыши и китайцы и верные коммуне и спасли положение. В результате четыре тысячи погибших и девять тысяч арестованных, говорят, что убит генерал Брусилов. Если правда, то очень жалко сего даровитого и мужественного генерала. Но твори Бог волю Свою!» (24 октября 1920 г.) Не чужды ему и апокалиптические чаяния: ...кроме того, сами же большевики пишут, что террористические акты, направленные против них со стороны меньшевиков и анархистов, усилились. Я заметил, что самое большее, они продержатся еще полгода. А не позднее 15 июля следует ожидать пришествия Христа Спасителя. Поживем увидим!" Дневник весьма подробный, пестрит

перечислениями, датами и адресами, где бывал Попов, с кем он общался, о чем шел разговор. Указаны фамилии, имена братчиков и их адреса. Видимо, дневники ощутимо облегчили труд чекистов.

Второй документ устав братства «Животворящего креста Господня». Братство было создано еп. Серафимом Звездинским в г. Дмитрове Московской области в январе 1922 г. Кроме устава никаких других документов не сохранилось. Устав разделен на три части. Первая посвящена внешнему облику христианина и его дома. В этой части говорится об обязательном ношении нательного креста и наличии в доме икон. Много места уделяется технике крестного знамения ни в коем случае нельзя соединять его с поклоном, в этом случае крестное знамение «ломается». Вторая часть уделяет внимание внутреннему строю жизни христианина: братчики должны стремиться жить по заповедям Христа. Указываются обязанности братчиков во время богослужения они должны находиться в соборе и следить за порядком. В обязанности входила и взаимопомощь в случае нужды или болезни. Уровень культуры Дмитровской паствы был, видимо, очень невысоким, и вл. Серафиму приходилось бороться с неумением прихожан общаться друг с другом. В уставе записано: «...между братчиками не должно быть вражды, ссор, каких-либо иных угроз и особенно побоев, ударов, толканий и вообще всяких грубых выходов, свидетельствующих о потере не только христианского, но и вообще человеческого достоинства, приводящего человека в разряд грубых животных и диких зверей»(Вестника. Прим. ред.).

Епископ Серафим прибыл 1 января 1920 года. (Рассказ о дмитровском периоде жизни еп.Серафима составлен по машинописному сборнику «Материалы к биографии еп.Серафима Звездинского». Сразу по приезде, собрав дмитровских священников, отслужил благодарственный молебен. В течение трех лет он находился на дмитровской кафедре. Ежедневно, сначала в Подлипечьи, а затем в домашнем храме во имя пр.Серафима Саровского, владыка служил литургию. Еп.Серафим был человеком доступным, часто навещал свою паству. Даже возвращаясь поздно, он заезжал к своим чадам. Келейник так и говорил ему: «Владыка, вот огонек, не нас ли ждут? Не всех успели объехать!» Не довольствуясь общей исповедью, владыка перед литургией часто сам исповедовал причастников, хотя до своего епископств никогда не исповедовал.)

В день Знамени Пр. Богородицы 27 ноября 1922 г. владыка последний раз отслужил в дмитровском Васильевском соборе. На следующий день ему вручили вызов, по которому он должен явиться в Москву на Лубянку. Причиной послужило непреклонное противостояние епископа обновленцам. Он не отправился в ссылку, которую ему назначили живоцерковники, и не отдал им ни одного храма. 29 ноября он был уже в Москве. Остановившись у московских друзей и немного отдохнув, он отправился на Лубянку. К вечеру не вернулся, и тогда духовные чада отправились в комендатуру ОГПУ. Там им велели прийти через три дня. На третий день приняли передачу и записку. Владыка ответил запиской и благодарил верных дмитровцев. Его дело вел следователь Казанский. Владыка вспоминал потом, что следователь угрожал расправой, но епископ ответил ему словами Христа: «Если бы Господь не дал тебе, не имел бы никакой власти надо мной».

Вскоре его перевели в Бутырки. Страдания вл.Серафима в тюрьме были велики: тело изъели вши, кожа висела хлопьями, под кожей были заложены тысячи яичек, все зудело и каждое движение причиняло невыносимые страдания. Ослабло сердце, участились приступы почечнокаменной болезни. Вызванный врач не мог приложить трубку к израненному телу, пришлось слушать через бумагу. Его перевели в околоток. Там немного полегчало полубольничный режим, двери не заперты, свободный выход в уборную, больше воздуха, прогулки. Вместе с ним находились о.Арсеньев, о.Иоанн, настоятель храма Христа Спасителя,

его брат о.Илья Зотиков, о.Хотовицкий, священник этого же храма. Здесь владыка совершал Божественную литургию, исповедовал, причащал, старчествовал, ободрял отчаявшихся. Сохранилось свидетельство, что во внутренней тюрьме на Лубянке он пережил явление Христа. Уже в Бутырках в память об этом событии он сложил акафист Страждущему Христу Спасителю. «В несении креста спасительного, десницею Твоею мне ниспосланного, укрепи же в конец изнемогающего».

Сохранилось свидетельство духовной дочери более позднего периода (1926 г.): «Он любил говорить образами, торжественно, мистически, таинственно. Иногда необыкновенно сильно, иногда по-отечески ласково. Иногда обличал и говорил: «Я навожу на тебя прожектор, чтобы ты видела, какая ты должна быть и какая ты есть". Иногда он поражал меня вопросом: «Что ты делала в таком-то часу, я слышал то и то» и так именно и было. Особое отношение было у него к литургии. Служение литургии было основным делом его жизни. Он считал, что христианин должен причащаться наивозможно чаще".

Сохранились письма владыки из тюрьмы, ярко рисующие не только его облик, но и духовных детей:

«Все получил полностью. Радости мои, бесценные и драгоценные, мир вам всем из темницы, из заключения моего. Благодарю вас от всего сердца за все дары любви вашей... Только беспокоюсь, что вы так много на меня тратитесь. Передатчицы мерзнут, руки, ноги отмораживают. Господь вам воздаст за все заботы обо мне... Благодарю за память о.Дмитрия Копытина. От него получил письмо. Сухарики (Св. Тайны) и платок от Евхаристии (антиминс) получил». (Бутырки, январь 1923).

«Ваши надписочки на посылках звездочки денные для меня, я всякий раз по получении представляю их Солнцу-Христу. Нафталин, гвоздичное масло помогли мне, и в первый раз получил возможность заснуть.. Мой сосед инок, разут и раздет, помогите мне помочь ему. Пришлите мне мою жилетку и какую-нибудь обувь ему. Господь да хранит вас. Духом и сердцем с вами. Еп. Серафим».

Сохранились и письма дмитровцев владыке:

«Дорогой наш, родной наш владыка-отец! Не знаем, как умолить Господа и святого ангела-хранителя Вашего, да сохранит Вас Бог в нелегком пути Вашем. Горячо просим святых молитв и благословения. Вышлите доверенность на получение вещей на имя Ивана Вас.Муравьева (Дмитровский священник). Горячо преданные ваши дети духовные».

Все время тюремного заключения шла оживленная переписка. Прихожане собирали посылки, откликаясь на каждую просьбу епископа. Владыка часто делился своими переживаниями:

«Господь дает великую тишину и мир сердцу моему. Тернии очищают от души всякую пыль. Буди воля Божия...»"В страдании Христос. Никогда не получил я столько утешения, света и радости как в тюрьме".

Братчики нашли адвоката, но участь заключенного облегчить не удалось. 17 марта был зачитан приговор два года ссылки в Зырянский край. До отправки чадам удалось выхлопотать несколько свиданий.

Этап состоялся 30 апреля 1923 года. Это был тихий, теплый весенний день. У Таганской тюрьмы группами сидели духовные дети. В четыре часа растворили тяжелые двери тюрьмы, вышли конвоиры, стали стрелять в воздух, разгоняя ожидавших. Затаив дыхание, ждали все

появление владыки. Он шел с панагией на груди. Раздался общий вопль люди рвались к нему, но конвоиры отбрасывали их. С ним рядом шли: еп.Афанасий (Сахаров), светловолосый, в голубоватой рясе, еп.Николай (Ярушевич), в нарядной рясе, блестящей плюшевой скуфье, протоиереи из Петербурга о.Александр Беляев, о.Петр Ивановский.

Уже из «столыпина» владыка писал: «Родные и бесценные дети и детки мои! Из камеры пересыльного поезда шлю вам всем мое благословение. Еду не один, а со всеми вами, ибо увожу всех вас в сердце моем, вас любящем и горячо молящемся. Е.С.Д.».

Владыку отправилась сопровождать одна из монахинь игуменья Фамари. По дороге к этапу присоединился еще один осужденный о.Филарет, иеромонах из Чудовского монастыря. В Котласе владыки навестили еп.Петра (Полянского), проживавшего здесь в ссылке. От Котласа до Усть-Сысольска добирались пароходом. В Усть-Сысольске отбывал ссылку митр.Кирилл (Смирнов). На квартиру помог устроиться московский священник о.Николай Дулов. Здесь же отбывала ссылку семья Фуделей: Сергей Иосифович и его сестра Мария Иосифовна. Они с радостью встретили вл.Серафима. Но вскоре его отправили дальше в Визингу, где когда-то проповедовал святитель Стефан Пермский, просветитель зырян. Вместе с епископом здесь поселились осужденные по тому же делу дмитровский священник о.Иоанн Муравьев и чудовский о.Филарет.

Вскоре семья ссыльных пополнилась приехали о.Петр Баженов, настоятель Тульского собора, о.Сергий и о.Николай из Симбирской области, села Промзина. Жизнь владыки не изменилась ежедневное служение литургии, прогулки в лесу, где он устроил что-то вроде пустыньки. Поддерживается оживленная переписка с дмитровцами. В 1925 году заканчивается срок ссылки. В конце апреля он добрался до Усть-Сысольска, где вновь встретился с митр.Кириллом (Смирновым), срок ссылки которого также подошел к концу. Под 1 мая вл.Серафим получил направление явиться в дмитровское НКВД, но м.Кирилл направления не получил. После смерти патриарха он должен был стать местоблюстителем, поэтому, видимо, власти предпочли задержать его. Так закончилось первое заключение еп.Серафима <В приложении дана краткая биография еп.Серафима.>.

Период заключения яркое свидетельство плодотворности служения еп.Серафима. Паства, дотоле разобщенная, невежественная, предстает перед нами духовно единой и деятельно страдаемой. Все попытки обновленцев обосноваться в Дмитровской епархии не увенчались успехом. Даже заключение и ссылка епископа не облегчили положения живоцерковников паства осталась верной ему. Епископ Серафим был для дмитровцев не только духовником, наставником и администратором, но, что удивительно, учителем. Как епископ, он обладал учительным авторитетом явление в России редкое.

Оба братства внешне очень похожи. Они продолжают не только свой дореволюционный образ жизни: устраивают крестные ходы, келейно молятся, усердно пекутся о неизбежности общины, хотя живут они уже в «послепотопное время». Христиане, в том числе и Попов, часто тешили себя иллюзиями, что Совдеп это временное явление. Подобные настроения свидетельство духовной спячки в предреволюционные годы, которые явили грозные предзнаменования грядущей катастрофы. Светские философы, предупреждавшие о надвигающейся катастрофе еще в 1911 ("Вехи"), а затем в 1921 г. ("Из глубины"), остались неслышанными ни православными иерархами, ни священниками. Их старые ориентации оказались глубоко ложными. Государство перестало быть правовым. Поэтому взаимоотношения Церкви и государства стало невозможно строить на правовой основе. Независимое легальное существование Церкви как института становится невозможным. Жизнь требовала появления новых форм духовного общения, более гибких и менее уязвимых. Понадобилось десятилетие кровавых потерь и разочарований, чтобы в среде православных произошли, наконец,

необходимые изменения.

Во второй половине двадцатых годов появились братства, бывшие, с точки зрения ОГПУ и Советского права, вне закона. В центре их становятся люди, свободные от обрядоверия, обладающие большим духовным опытом. Братства обретают устойчивость, становятся активными. Они не только обороняются, но и идут вперед. Их объединяет не только стремление к совершенствованию. Они объединяются не только потому, что внутри братств общение носит более глубокий характер, но и потому, что видят в братствах единственную возможность остановить разрушение традиции и культуры. В братствах зарождались новые формы церковной жизни. Братчики бесстрашно шли в мир, проповедуя, являя миру образцы личной и семейной святости. Обремененные непосильным трудом, полуголодные, живущие в тех же условиях, что и современники, ютясь в коммунальных клетках, в тюрьмах и ссылках, они не озлоблялись, не проклинали и это изумляло окружающих и влекло к ним.

Братство о.Романа Медведя, священника, который некогда во время своих путешествий по Сибири «нашел» Григория Распутина и познакомил со своим академическим товарищем еп.Феофаном (Быстровым), через которого Распутин проник в дом великого князя Николая Николаевича, возникло в Москве вскоре после окончания гражданской войны. В годы войны о.Роман служил в Одессе.

После того, как он отпел расстрелянных чекистами матросов, предупрежденный о неминуемом аресте, он перебрался в Москву и служил в храме св.Алексия за Елисейевским магазином. В отличие от Попова, о.Роман знал повадки новой власти. Обладая ярким проповедническим даром, он отказался от публичных проповедей, дабы не привлекать в храм большого количества народа, а следовательно, и опеки властей. Он понимал, что Советская власть установилась всерьез и надолго, поэтому необходимо трудиться без лишнего шума.

Вот образец его работы: окончилось богослужение, народ разошелся, остались верные прихожане. В храме устанавливаются скамьи, рассаживаются люди. На солею выходит о.Роман и читает святоотеческие творения. Затем начинает толковать. Толкование перетекает в беседу, где каждый волен высказать собственное мнение, наболевшие вопросы, воскрешая общинный дух. Беседа протекает в непринужденной обстановке. После собрания, присматриваясь к людям, о.Роман отбирал из числа постоянных прихожан наиболее надежных. Из них возникали небольшие общины.

Круг христиан был достаточно велик, времени заниматься со всеми физически не хватало. Тогда священник обязывал старших братчиков опекать младших. Младшие вели своеобразные дневники, где записывали, как прошел день, что случилось, какие помыслы беспокоили. Старшие регулярно просматривали дневники и, если встречалась проблема, которую им разрешить было не по силам, обращались к о.Роману. Так, с одной стороны, он не выпускал из виду никого, с другой старшие приучались к ответственности за ближнего, умению работать с людьми, обогащали жизненный опыт. Братчики ухаживали за больными, инвалидами, одинокими, опекали семьи репрессированных, собирали продукты, их отсылали в лагеря и тюрьмы.

О.Романа арестовали в 1931 году. В 1936 году он освободился, но тяжело больным. После лагеря прожил только год, скончался в 1937 г. Перед арестом успел передать братство еп.Варфоломею (Ремову)(Еп.Варфоломей был предан своими келейниками и расстрелян в 1937 г.), жившему тогда на покое в Петровском монастыре. Несмотря на арест о.Романа и его преждевременную смерть, братство, им созданное, продолжало существовать и живет в наши дни. Мне посчастливилось встретиться с братчиками удивила атмосфера любви и взаимоуважения, царящая в среде людей уже преклонного возраста. Привыкнув к тому, что в

храме старушки часто злобны и неприветливы, я был изумлен благожелательством их сверстниц. Жизнь разбросала их по разным уголкам страны, много им пришлось перенести. Мне они казались выросшими где-то за пределами нашей страны так терпимо и любовно они относились друг к другу. До сих пор они встречаются, помогают больным и инвалидам, сохраняя молитвенное общение между собой и своим пастырем, память которого они свято чтят. Я спросил их о детях: оказалось, что дети упущены. Их воспитанием занимался детский сад, потом школа и улица. Почти все они выросли детьми нецерковными.

Следующее братство мечевское. Его зарождение относится к дореволюционному периоду. Об о.Алексее написана книга, в которой достаточно ярко освящена жизнь Маросейки до смерти о.Алексея. После его смерти приход переходит к его сыну о.Сергию. Еще при жизни отца в 1922 г. о.Сергий был впервые арестован, но через месяц освобожден. Сохранился дневник Т.И.Куприяновой, активной участницы братства, впоследствии педагога. Сохранились и письма к ней о.Сергия из ссылки. По этим материалам можно воссоздать жизненный путь о.Сергия.

24 октября 1929 года он был вновь арестован и сослан на три года в Усть-Сысольск. В ссылке был задержан сверх срока на год. К этому периоду относятся его письма к Т.Куприяновой: «Отшельник в идеале (работает) единый Единому; пастырь в идеале »се аз и дети, яже дал ми Бог", непременно дети, без детей, не пастырь. Отшельник к Богу, а затем к людям, пастырь к людям, а затем к Богу. Очи отшельника обращены к Богу, очи пастыря к людям. В них, в людях, он видит и познает Господа, в них он открывает Его красоту. Пастырю пасомые не заслоняют Господа, а показывают, не отделяют, а приближают Его. Так, родная моя, я недостойный и паче всех грешнейший, но я пастырь и не только иерей. Дух мой утренюет к каждому храму душевному моих чад. Если бы мне сказали, выбирай из двух возможностей или только служи, или только пастырствуй. Не колеблясь, пастырство". (Усть-Сысольск, 1930 г.).

«Знаю, что жизнь моя кончилась, начинается житие, а душа-то не подготовлена к этому, как будто врасплох застигнута». (Усть-Сысольск, 1933 г.).

«Ведь все живем сейчас в горниле величайших страданий. Столько всего я повидал за эти месяцы. Вот уж когда терпением спасаются и »тенетами отчаяния удавляеми"погибают". (Усть-Сысольск, июнь 1933г.).

В конце 1933 года он был освобожден и поселился в Вологодской области, в избушке лесника, недалеко от деревни. Вскоре вновь был арестован. В 1934 году находился в Вологодской тюрьме. Получил 15 лет лагерей. Заключение отбывал на Украине. В начале Отечественной войны ввиду стремительного наступления немцев был расстрелян, как и все заключенные, получившие сроки свыше 10 лет.

Дневник Т.И.Куприяновой начинается с описания ее жизни в Ярославле в первые годы революции. Вскоре она переезжает в Москву и поступает в Университет, занимается в одной группе с В.Я.Успенской в семинаре Челпанова, усердно посещает лекции А.Ильина. «В конце 21 года у нас организовался студенческий кружок... Мы хотели заниматься русской культурой, русской религиозной философией, русской литературой и искусством. Среди нас были и студенты философского отделения, и словесники. Предложений, тем было много. Люди все были молодые, живые, только что пережившие революцию и заново, самостоятельно вырабатывающие свое мировоззрение». Это было время массового превращения интеллигенции в церковь. В этом же году на заседание кружка был приглашен о.Сергий Мечев. «И вот на беседах о.Сергия я почувствовала, наконец, источник воды живой. Мне стали открываться сокровища церковной мудрости, ее учение о смысле жизни человека, об устройении его души, о путях спасения. Слушая о.Сергия, душа звучала цельным чувством, утверждая да, да, да. Казалось, что все это знакомое и родное, но почему-то бывшее скрытым

для меня». Начав свой духовный путь под крылом о.Алексея, Т.И. после его смерти становится духовной дочерью о.Сергия.

«Это был первый этап, по которому меня повел о.Сергий, длительная работа над собой в тесном соприкосновении с людьми и служении им. О.Сергий знал, как опасно для души, когда без собственного внутреннего делания возгорается интерес к творениям св. отцов, как легко, увлекшись поражающей ум правдою их мыслей и красотой и стройностью их душ, принять читаемое и понимаемое как свое собственное, сделать все это предметом эстетического чувства. Он часто напоминал нам, что творения отцов »деяниями читают", т.е. без собственного делания нельзя ни читать, ни понимать эти творения. Поэтому их надо читать по мере собственного возрастания и не браться за чтение тех отцов «Добротолюбия», до которых мы еще не доросли". Связи в содружестве крепнут день ото дня. Летом о.Сергий благословляет молодежь на совместную поездку в Саратов, а затем вместе с нами совершает поездку в Николо-Угрешский монастырь. В этих поездках раскрываются друг другу души, укрепляются взаимоотношения между братчиками. На первом этапе о.Сергий призывает молодежь к деятельному самосовершенствованию. Прекрасно об этом пишет автор дневника: «Мне казалось, что человек, работающий над своей душой, ощущает нечто подобное ваятелю, создавшему прекрасное произведение искусства. И казалось мне почему же эта форма красоты красота поведения, отношения к людям, чистоты мысли, добрых чувств не увлекает людей, почему они ее не чувствуют?»

Жизнь становилась все тяжелее и безотраднее. Перед Маросейским приходом встала проблема религиозного воспитания детей. Семья Мечевых владела двумя загородными домами: в Верее и в Дубках. На лето о.Сергий поселяет в них братчиков с приходскими детьми. Этому предшествуют подготовительные беседы. «В течении зимы 24-25 года отец Сергей собирал несколько раз до ранней обедни в будние дни для того, чтобы провести общую беседу о нашем поведении, об отношении к духовному отцу и друг к другу. Мы сидели на полу, на коврах, а отец Сергей стоял у аналоя на солее». Чем-то это начинание напоминает современные детские лагеря отдыха, с той разницей, что в основу работы с детьми были заложены заповеди Христа. День начинается с совместной молитвы. Затем прогулка с детьми, приготовление обеда, беседы. Перед братчиками встают серьезные проблемы: «Ребята ведут себя шумно и свободно, но я бы не сказал, что плохо. Сложное и опасное дело дисциплинировать 14 и 13-летних... Пока еще душа их здесь открыта и дурное, и хорошее, а наложить запрет того и гляди, уйдет эта душа, и тогда ничего не увидишь». Так возникал неоценимый опыт взаимоотношения, терпимости к ближнему. Молодежь реально училась работе с детьми.

Немало трудностей возникало в небольшой общине: «Батюшка говорит: »Изучайте людей, будьте внимательны, подходите к ним так, как они этого требуют". А это так трудно, так много сил надо для этого, нужно все время как-то бодрствовать". О.Сергий регулярно навещал оба дома, а братчики поочередно ездили в город. Приезды о.Сергия всегда становились радостным событием. Он привозил в это трудное время продукты, разбирал конфликты, мирил, укреплял всех совместной молитвой.

Молодежь, выросшая в мечевском братстве, оказалась подготовленной к страшным испытаниям, выпавшим на их долю. Многие из них прошли ссылки и тюрьмы. Братство не распалось после ареста о.Сергия. Часть мечевцев перешла к архимандриту Серафиму (Батюкову), посещая крохотный домик на окраине Загорска, где в затворе он прожил 12 лет. Часть перешла к иеромонаху Иераксу (Бочарову), а позже, после его ареста, к о.Петру Шипкову. Некоторые из них (В.Я.Василевская и автор дневника) посвятили свою жизнь педагогической деятельности, работая с особо трудными детьми, выполняя таким образом заветы Христа.

Борис Фаликов: Современные размышления по поводу одной старинной подделки

Экуменический и нехристианский опыт

<Народы Азии и Африки. 1990. №4.>

В 1894 г. в Париже вышла книга «Неизвестная жизнь Иисуса Христа», в которой ее автор, русский журналист Н.А.Нотович, пространно рассказывал о своем путешествии в Ладакх, в ту пору еще мало доступный для иностранцев <N.NOTOVITCH. La vie inconnue de Jesus-Christ. P.,1894.>. Однако внимание публики было привлечено не столько приключениями русского журналиста в экзотической стране, сколько небольшим манускриптом, включенным в текст книги и давшим ей название, тоном своим сильно смахивающее на газетную сенсацию. В манускрипте рассказывалось о «потаенных годах» Иисуса Христа, которые он провел в Индии, овладевая учением брахманов и буддистов. Вооруженный этими знаниями и сопутствующими им сверхъестественными способностями, Иисус и начал свою проповедь в Галилее. Рукопись об индийских годах жизни Иисуса, как именовался в ней на мусульманский лад (за несколько веков до проповеди Мухаммеда!) Иисус Христос, была обнаружена, по словам Нотовича, в буддийском монастыре Химис (Ладакх), где сломавшего ногу путешественника выхаживали сердобольные ламы. Беседуя с настоятелем монастыря о египетской, ассирийской (!) и иудейской религиях, Нотович узнал немало интересного, а когда ему прочитали рукопись о буддийском ученичестве Христа, тщательно занес ее содержание в свой путевой журнал. Благо, нанятый им толмач лихо переводил с тибетского на английский.

Путешествие Нотовича состоялось, как он утверждал, в 1887 г., однако рукопись была опубликована через семь лет. Что же мешало обнародовать сенсационную находку раньше? Вначале, пишет Нотович, он показал ее митрополиту Киевскому Платону, тот заинтересовался, но помочь отказался, намекая на трудности с цензурой. Посетовав на косность православия, Нотович отправляется в католический Рим, но и там некий кардинал не только не советует ему опубликовать находку, но даже (о, коварство папизма!) пытается его подкупить. Не лучше складываются дела в Париже, где он показывает ее еще одному кардиналу Ротелли. Тот намекает на трудности, переживаемые христианством в борьбе с атеизмом, и просит не подрывать основ. Тогда Нотович обращается к одному из «подрывателей» Э.Ренану. На Ренана, как утверждает Нотович, рукопись произвела большое впечатление, и он согласился представить ее Французской академии. Но тут на попятную пошел наш отважный путешественник. Сам он объясняет это с обезоруживающей простотой: Ренан крупный ученый, и все лавры публикатора достанутся ему, а истинный автор открытия останется в тени. Не лучше ли подождать смерти мэтра на вид он очень плох и долго не протянет. Диагноз Нотовича оказался точен: вскоре Ренан скончался, и журналист обрел желанную славу. Книга его выдержала одиннадцать переизданий и почти сразу же была переведена на английский язык.

Успех книги, на наш взгляд, объясняется не ее сенсационностью. Скорее наоборот. В конце прошлого века идея буддийского влияния на христианство имела весьма широкое хождение от серьезных буддологических трудов до самых популярных брошюр теософского и

околотеософского характера. В научный оборот входили все новые буддийские тексты, и подмеченные там параллели с христианским вероучением требовали каких-то объяснений. Одно из них, настаивающее на влиянии, не заставляло себя ждать, а поскольку буддизм древнее христианства, то его влияние представлялось и более вероятным. (Дальнейшие исследования выявили скорее типологические параллели и возможное влияние христианства на поздние школы буддизма махаяны, причем не прямое, а опосредованное через несторианство.)

Для теософов же научные догадки лишь подтверждали изначальное единство «тайного учения», данного человечеству. Поэтому европейская публика была готова к новым свидетельствам о буддийско-христианских связях, и книга Нотовича появилась весьма кстати. Возникал, однако, вопрос не слишком ли кстати? Одним из первых ответил на него крупнейший ориенталист того времени Ф.Макс Мюллер.

В рецензии на книгу Нотовича великий ученый опирается не столько на свои обширные знания (видимо, не считая нужным «стрелять из пушки по воробьям»), сколько на простой здравый смысл <F.MAX Muller. Alleged Sojourn of Christ in India. The Nineteenth Century. 1894. Vol. 36. L. P. 515-522.>. Предположим, пишет Мюллер, что Нотович действительно побывал в Химисе. Странно, что все фотографии, снятые им там, оказались испорченными, а о русском путешественнике не помнит никто из английской администрации в столице Ладакха Лехе. Но не будем слишком строги к русскому джентльмену, коль уж мы считаем его за такового. В путешествиях случается всякое. В конце концов, и рукопись из монастыря вывезти не так уж просто на первый раз можно удовлетвориться и переводом. Смущает другое, а именно, несообразности самого текста. Повествование в нем, напоминает Макс Мюллер, ведется от имени еврейских купцов, посетивших Индию вскоре после распятия Иисуса. Но как им может быть доподлинно известно не только обо всем, что произошло с Иисусом в Палестине, но и то, что случилось с ним во время пребывания среди брахманов и буддистов? Неужели им сразу же удалось встретить в Индии тех людей, которые были знакомы там с Иисусом? Ведь Индия велика! Ну а уж коли встретили, то как догадались, что малоизвестный ученик брахманов Исса и есть тот самый Христос, что был распят в Палестине? Кстати, рукопись была, по словам Нотовича, создана на языке пали, а затем переведена на тибетский, однако имя Исса звучит на арабский манер, а вот имя Понтия Пилата, несмотря на цепочку переводов, так и не изменилось. И, вот, наконец, почему рукопись никогда не упоминалась прежде? Ведь весь тибетский канон (Ганжур) и комментарии к нему (Данжур) тщательно каталогизированы, но Исса в них не фигурирует. Учитывая дотошность буддистов в перечислении их сакральной литературы, это просто невозможно. Итак, подводит итог Макс Мюллер, в рукописи, опубликованной Нотовичем, содержатся две невероятные вещи: «Во-первых, что евреи из Палестины, которые приехали в Индию около 35 г. н.э., встретили там тех самых людей, которые знали Иссу, когда он учился в Бенаресе и, во-вторых, то, что сутра Иссы, составленная в первом столетии нашей эры, не нашла себе места ни в Ганжуре, ни в Данжуре» <IBID. P.519.>.

Недоверие Макса Мюллера вызвала и история публикации манускрипта. Зная взгляды кардинала Ротелли, пишет ученый, трудно поверить в то, что он не рекомендовал к печати рукопись, которая свидетельствовала в пользу историчности Иисуса Христа. А вся история с Ренаном, в которой и сам Нотович выглядит не лучшим образом, просто сомнительна. Бескорыстность Ренана общеизвестна.

Однако отказав манускрипту в подлинности, Макс Мюллер воздержался от прямого обвинения Нотовича в подделке. На его памяти европейские путешественники в Индии и Тибете уже не раз получали от буддийских монахов и индусских пандитов именно то, что они от них ожидали.

Таким образом был мистифицирован Луи Жакалио, получивший от пандитов поддельный санскритский манускрипт в Чандранагоре. В аналогичную переделку попал и лейтенант Уилфорд, не говоря уже о многочисленных письмах махатм, отправленных в адрес Блаватской и Синетта. «Мы все же предпочитаем считать, заключает свою рецензию Макс Мюллер, что г-н Нотович, подобно лейтенанту Уилфорду, г-ну Жакалио, а так же подобно мадам Блаватской и г-ну Синетту, был обманут. Верить в то, что буддийские монахи временами позволяют себе подобные проделки, приятнее, чем называть г-на Нотовича просто лжецом» <IBID. P.520-521>. Однако надеждам уважаемого ориенталиста на европейскую порядочность, увы, не суждено было сбыться, и узнал, он об этом даже быстрее, чем мог предположить.

Летом следующего 1895 г. профессор Дж.Дуглас, преподававший в одном из мадрасских колледжей, настолько увлекся книжкой Нотовича, что решил пожертвовать тремя месяцами летних каникул, чтобы добраться до Химиса и подтвердить правоту русского журналиста. Критика Макса Мюллера его не удовлетворила, а кроме того, в предисловии к английскому изданию сам Нотович так решительно настаивал на необходимости повторной экспедиции, что Дуглас не мог устоять.

В Лехе, как и писал Макс Мюллер, Нотовича не помнили, однако Дугласу удалось откопать там дантиста по имени Карл Маркс (!), который лечил русскому путешественнику зубы. В Химисе дела обстояли хуже. Лама, последние 15 лет являвшийся настоятелем монастыря, твердо заявил, что никакого русского, тем более со сломанной ногой, он в монастыре не принимал. Однако, когда ему была показана фотография Нотовича, согласился, что мог и спутать его с «английским сахибом».

Ну что ж, сломанная нога достаточно невинная выдумка романтического путешественника, решил Дуглас, и приступил к дальнейшим распросам. С английской педантичностью он составил подробный вопросник для настоятеля относительно событий, описанных Нотовичем. Каждый вопрос тщательно переводился толмачем, найти которого оказалось очень непросто. Даже среди тибетской верхушки английский язык в ту пору был не в почете. Кстати, первые сомнения возникли у Дугласа именно в связи с этим. Как это Нотовичу удалось найти человека, подумал он, который мог с листа переводить достаточно сложный богословский текст? Такие в округе были наперечет и, что самое забавное, никто из них и слыхом не слыхивал о русском журналисте.

Дальше больше. С каждым переведенным ему вопросом почтенный лама все больше мрачнел. Нет, он не беседовал ни с одним европейцем о религии древних египтян, ассирийцев и израильтян, так как и не ведал о существовании этих народов. Нет, ни один сахиб не получал разрешения переводить или списывать какую-нибудь рукопись в этом монастыре, пока он был настоятелем. Нет, за 42 года со дня посвящения в ламы он никогда не встречал рукописи с упоминанием имени Исса и твердо уверен, что таковой в природе нет. Нет, Исса никогда не почитался буддистами, и имя его можно услышать только от миссионеров-европейцев. Более всего, однако, возмутило ламу утверждение Нотовича, что тот подарил ему часы и термометр. Оказалось, что он вообще не знает, что такое термометр.

Последующее чтение отрывков из книги Нотовича окончательно рассердило настоятеля, и в конце беседы он потерял знаменитое буддийское спокойствие и заинтересовался, существуют ли в Европе законы, по которым можно было бы покарать такого отъявленного лжеца. Дугласу нечем было его утешить, кроме просьбы подписаться под текстом состоявшейся беседы, что тот и проделал, скрепив подпись монастырской печатью. Дуглас не замедлил препроводить разоблачающий документ в Оксфорд Макс Мюллеру, и тот опубликовал его, сопроводив небольшим послесловием. Попросив извинения у тибетских лам за то, что подозревал их в этой подделке, Макс Мюллер писал: «... я не могу настаивать на какой-либо особой своей заслуге в

доказательстве того, что »Неизвестная жизнь Иисуса Христа", т.е. жизнь Христа на основе рукописи из тибетского монастыря, оказалась простой фикцией. Сомневаюсь, чтобы хоть один специалист по санскриту или пали и вообще серьезный буддолог был обманут господином Нотовичем. Заниматься поисками жизни Христа на Тибете это все равно, что искать воды Иордана в Брахмапутре" <J.A.DOUGLAS. Alleged of The Nineteenth Century. Chief Lama Himis on the ?Unknown Life Christ?. 1986 Vol.39. |230. P.678.>.

На этих словах столпа мирового востоковедения можно было бы и поставить точку, сообщив напоследок, что он, конечно, не ошибался в отношении мнения своих коллег по поводу подделки Нотовича. Его полностью поддержали такие известные ориенталисты, как Г.Бюлер и Т.Нэльдеке. Совсем недавно в аналогичном духе высказался и советский востоковед В.К.Шохин <Шохин В.К. Древняя Индия в культуре Руси XI середины XV в. М., 1986 с. 18-19, 286.>.

Однако мнения компетентных специалистов оказалось недостаточно, чтобы поставить крест на мистификации почти столетней давности. И словно в преддверии этого юбилея русский перевод рукописи Нотовича был опубликован ныне в журнале «Наука и религия» <См.: Наука и религия. 1989. №7,8.>. Причем сделано это «на полном серьезе», и востоковедческие претензии к подлинности текста даже не упомянуты. В чем же дело?

В свое время Макс Мюллер объяснил популярность теософии тем, что она эксплуатирует ауру таинственности вокруг Тибета. Мол, стоит ученым разобраться с тибетской экзотикой, и вера в сверхъестественных махатм угаснет. Но на этот раз ученый все же ошибся. Теософия как тип религиозного сознания продолжает занимать прочное место в современном мире, и многочисленные добросовестные исследования тибетского буддизма отнюдь не уменьшают веру в махатм. Более того, философские мифологемы среди адептов «современной науки»приживаются гораздо успешнее, чем традиционные религии. Здесь не место вдаваться в подробности этого сложного явления, ограничусь лишь напоминанием, что теософия задумывалась Е.П.Блаватской именно как синтез науки и религии. И надо отдать должное проницательности основательницы на этом пути у теософии и оказалось больше всего «побед». Другая черта теософии, уже ближе соотносимая с нашим сюжетом, состоит в ее стремлении к межрелигиозному синтезу. Популярность тенденции к религиозному единству хорошо понятна в раздираемом противоречиями современном мире. Но одно дело осторожный диалог мировых религий, и совсем другое теософская поспешность, в результате которой тенденция эта вырождается в эклектическую мешанину. И действительно, что может быть проще, чем механически соединить воедино христианство, буддизм, индуизм, даже если при этом до неузнаваемости искажается облик Основателя христианства. И где уж тут до таких тонкостей, как неотделимость личности Христа от христианских догматов. И вот Тот, чья суть самоценна для христианина, легко превращается в средство для создания новой религии. Ведь для такой «великой цели», как известно, все средства хороши.

На наш взгляд, именно популярность подобных стереотипов в нашем стремительно пробуждающемся от духовной летаргии обществе и объясняет публикации типа той, что появилась в «Науке и религии». Не до научной дотошности, когда на свободу наконец вырывается десятилетиями подавляемое религиозное чувство. А вот то, почему, вырвавшись на свободу, оно чаще всего принимает именно такие, а не иные формы, только поспешностью и неразборчивостью не объяснишь. Как раз наоборот, разборчивость, с какой вчерашние атеисты ухватываются именно за теософские и им подобные конструкции, поражает. Но это уже другой вопрос, и на него не ответить в рамках этой короткой заметки «на случай».

Протоиерей Всеволод Шпиллер: Третья (высшая) ступень Московской высшей православно-христианской школы (МВПХШ)

Христианское образование и воспитание

<Окончание. Начало программы третьей ступени см. в № 1 за 1992 г.>

ПРОГРАММА IV КУРСА

А. Проповедь.

I. Оглашаемым 3-го этапа оглашения (таинствоводство).

1. Катехетика

(особенно: свящ. Георгий Кочетков. Таинственное введение в православную катехетику; Катехизис для катехизаторов; Возможная система оглашения в Русской православной церкви на современном этапе;

Таинство Крещения;

Жив Бог: Семейный катехизис. / Пер. с фр. МП: «Просвет», 1991 и др.)

2. Гомилетика:

(особенно по текстам святых отцов и раннехристианских церковных писателей)

II. Полным членам Церкви.

Б. Оглашение (3-й этап таинствоводство).

I. Молитва:

а) храмовая (прежде всего таинственная, т.е. мистериальная, главным образом евхаристическая). (особенно А.Шмеман. Исповедь и причастие. Доклад Св. Синоду Православной церкви в Америке, 1972);

б) личная (к Богу во Св. Троице Лиц и святым, в т. ч. по Молитвослову).

II. Христианская этика и эстетика (продолжение).

III. Духовное чтение: Новый завет (Ин; Деян; Иак; 1 Пет; 1 Ин; Гал; Рим; 1 Кор), (особенно С.С.Аверинцев. Древнееврейская и раннехристианская литература. В кн. История всемирной литературы (ИВЛ); архим. Ианнуарий (Ивлиев)

Пособие по Новому завету на III-IV курсах С.-Пб ДА.

IV. Введение в христианскую аскетику и мистику: (особенно по работам С.И.Фуделя и митр.

Антония (Блума).

V. Таинствоводственные встречи и цикл бесед (14 тем).

1. Катехетика (особенно свящ. Георгий Кочетков. Таинственное введение; Катехизис для катехизаторов и т.д.).

2. Цикл 3-го этапа оглашения по свящ. Георгию Кочеткову (14 тем) (См. ПО, | 3, 1991)

По всем темам:

а) литургия и патрология;

б) догматика и патрология;

в) основное богословие и христианская философия;

Вступление. Таинства, обряды и Тайны. Таинства жизни и веры. Акт и процесс. Нормаль таинств.

1. Таинство Просвещения.

2. Таинство Св.Троицы. Сущность и энергия (особенно Л.Карсавин. Святые отцы и учителя Церкви. П., 1927; проф. прот. И.Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Н-Й., 1982; монах Василий (Кривошеин). Мистическое и богословское учение св.Григория Паламы // ЖМП. 1986. | 3.

3. Таинство Крещения и Помазания(особенно прот. А.Шмеман. Водю и Духом. П., 1990.; прот. Н.Афанасьев. Вступление в Церковь. П., 1951).

4. Таинство Христа и Св.Духа (особенно Л.Карсавин. Св._отцы..., прот. И.Мейендорф. Введение...).

5. Таинство Евхаристии (Благодарения) (особенно прот. А.Шмеман. Евхаристия. П., 1990.)

6. Таинство Церкви. Канон и догмат.

а) каноническое право: (особенно прот. Н.Афанасьев. Церковь Духа Святого. П., 1971; Неизменное и временное в церковных канонах. П., 1937 и др.);

7. Таинство Служения самой Церкви.

а) Пастырское богословие: (особенно прот. Н.Афанасьев. Экклесиология. Вступление в клир. П., 1968).

8. Таинство Спасения (особенно архиеп.Сергий (Страгородский). Православное учение о спасении. Казань, 1898; М., 1991.

9. Таинство Покаяния (особенно прот. А.Шмеман. Исповедь и причастие; архим. Иоанн (Крестьянкин). Построение исповеди по заповедям блаженств. Воронеж, 1991).

10. Таинство святого Образа в человеке. Аскетика и мистика.

Освящение и преображение. Синергия.

а) Антропология;

б) аскетика: (особенно С.И.Фудель. Путь отцов, 1-2 т., ркп);

в) введение в мистику (особенно В.Лосский. Очерки мистического богословия восточной церкви).

Таинство брака (особенно прот. И.Мейендорф. Брак и Евхаристия // Православие в современном мире. Н-Й, 1981).

Таинство богоподобия Человека. Дух, душа и тело. Лицо, лик и личность (особенно Дм.Мелехов. Из литературного наследия, ркп).

13. Таинство Елеосвящения. Борьба с болезнями и смертью.

14. Таинство Конца. Жизнь вечная. Таинство Творчества, Любви и Свободы (особенно Ф.М.Достоевский. Братья Карамазовы и главным образом Легенда о великом инквизиторе; Вл.Соловьев. Три разговора и Краткая повесть об Антихристе, Зло; Н.А.Бердяев. Спасение и творчество // Путь. 1926. | 2).

Заключение. Миссия Церкви и каждой личности во Христе.

В. «Пустыня»

Г. Устроение личной жизни в Церкви. Приход, общность и община.

Христианское отношение к окружающему миру (особенно статья свящ. Георгия Кочеткова «Приходские общины в Русской православной церкви и потребности современного общества в СССР» с приложением «Принципы жизни семьи-общины». В журн. «Православная община». | 1. 1991. и доклад на 2 Преображение 1991 г. «Православная община». | 3. 1992.

Программа V курса Московской высшей православно-христианской школы

Главное подготовка к написанию магистерской диссертации, для чего требуется самостоятельная работа с соответствующей литературой по специальному предмету и комплексу сопряженных предметов.

Специализация в пяти направлениях:

1.1. Священное писание Ветхого и Нового заветов:

1) исагогика 2) герменевтика 3) экзегетика 4) библейское богословие 5) библейская археология.

1.2. Библейские языки:

1) древнееврейский 2) древнегреческий.

2.1. Христианская этика и эстетика (в историческом развитии), в том числе история нехристианской этики и эстетики.

2.2. Христианская педагогика и катехетика (в историческом развитии), в том числе детская и взрослая.

- 3.1. Патрология, догматика и философия (в историческом развитии), в том числе основное и сравнительное богословие, история русской философской мысли.
- 3.2. Антропология, аскетические и мистические учения и практика (в историческом развитии).
- 4.1. Богослужбная и пастырская практика и гомилетика (в историческом развитии), в том числе керигматика, славянский и русский язык; церковное пение.
2. Литургия и экклезиология, в том числе каноника (в историческом развитии), литургическое богословие и сакраментология; юридические отношения с государством/
- 5.1. История Церкви, церквей и сект, в том числе история древней церкви; византология; история: Русской православной церкви и русских сект, поместных православных церквей, древних восточных церквей, западных исповеданий и сект.
- 5.2. История религий, культов и культур, в том числе история России и культур: русской; еврейско-иудейской, арабско-мусульманской, иранской, китайской, индийской, японской, эллинистическо-языческой, славяно-языческой; история атеизма, агностицизма и синкретических религий.

На V курсе проводятся два зачета по результатам деятельности, продолжается дневник и пишутся две семестровые работы по специальности на 30–40 стр. машинописи (составляющие основу для 1–2 глав будущей магистерской диссертации).

При этом используется обязательная и желательная литература для III и IV курсов и соответствующие разделы библиографий в книгах: Б.С.Бакулина, Н. Глубоковского (Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928, прот. А. Шмеман и др.).

Специальность, тема, а также руководитель избираются и утверждаются в начале V курса. Оппонентов желательно иметь независимых.

Программа VI курса МВПХШ

Главное написание магистерской диссертации с целью проявить свое умение самостоятельно (лично и личностно) разрешать трудные и спорные вопросы христианской веры и жизни.

На VI курсе проводится 1 зачет и 1 экзамен (в конце курса). Вместе с зачетом сдается семестровая работа (основа 3-й главы) и дневник, а с экзаменом магистерская работа (ок. 150–200 маш. стр., без приложений).

Евгений Пластинин: Стихи

Поэзия

Живем мы в моменты открытий,

Раскрываемся в моменты срывов,

Стареем в моменты греха.

Не родившийся свыше

Младенец и в девяносто.

* * *

Немного от знаний пользы,

Когда они с мукой не соединены.

* * *

За неверующих моя тревога:

Не оправданы муки их еще в мире этом.

* * *

Строгость в главном,

Добросердечие в остальном.

* * *

Одновременно хотелось бы мне

Духом бедным быть и богатым.

* * *

Возможно-ль без Бога?

Лишь Он нам дает многомерность мышления

Верующим и атеистам.

* * *

От скудной пищи очищение тела,

От страха Божьего обновенье души.

* * *

Человек перед выбором постоянным:

Или грешить, грех всеобщий множа,

Или за чистоту свою быть распинаемым.

Москва